

18+

Вера Мгнаниёва

*Зеркала
Лунари*

Вера Игнашëва
Зеркала Линарии

«Издательские решения»

Игнашёва В.

Зеркала Линарии / В. Игнашёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504134-0

Сказка-фэнтези о стране Линарии и её жителях. Дружба, приключения, потери и, конечно, любовь героев этого повествования не оставят равнодушными ни одного читателя.

ISBN 978-5-00-504134-0

© Игнашёва В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Пешки	6
Глава 2 Побег	13
Глава 3 Игроки	17
Глава 4 Встречи	22
Глава 5 Потери	28
Глава 6 Помощь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Зеркала Линарии

Вера Игнашѐва

© Вера Игнашѐва, 2020

ISBN 978-5-0050-4134-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Пешки

В бархатном кресле, поджав ноги, сидела девушка. Она смотрела невидящим взглядом светло-голубых глаз в сторону большого окна, по которому стекали капли дождя. Светлые волосы рассыпались по плечам, одна прядь упала на лицо и почти скрыла высокий лоб. Девушка даже не шелохнулась, когда в комнату быстро и легко вошла её ровесница.

– Госпожа Юлия, время переодеться к ужину.

Ничего не ответив, блондинка выразительно посмотрела на часы над камином, которые показывали без четверти шесть, а потом на подол своего домашнего платья из тонкой ткани цвета её глаз.

– Нет-нет, Ваш отец объявил, что ужин будет торжественным. Чтобы сделать причёску, нужно начинать уже сейчас!

От волнения веснушки на вздернутом носике служанки загорелись ярче, а рыжие кудри выбились из-под чепца, когда она затрясла головой, как бы предупреждая, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

– Тогда золотое, Ада, – лицо хозяйки осталось холодно-безразличным. Она поднялась и встала, подобно статуе с протянутыми вперед руками, выражая полное равнодушие к тому, как служанка будет справляться с её переодеванием и причёской, – Поторопись.

На пороге огромной залы Юлия на минуту замерла. Сотни свечей горели ярко и отражались в хрустальных бокалах на длинном столе, а также в украшениях многочисленных гостей. Слишком много людей, слишком много света.

Руки девушки задрожали. Она сделала над собой усилие и крепко, но изящно, взялась кончиками пальцев за подол своего наряда, струящегося как жидкое золото. Затем Юлия выпрямилась и с надменным видом прошествовала мимо бесконечно долгой череды кланяющихся ей придворных. Лицо принцессы было бесстрастно, словно маска. Возле предназначенного для неё стула по левую руку от Эриха Горного, или Гордого, как иногда его называли, она остановилась.

– А вот и наша дорогая Ю, – глаза женщины, сидящей справа от отца, странно сверкнули, а зазмеившуюся по ярко-красным губам улыбку никто не решился бы назвать приветливой.

– Добрый вечер, отец. Добрый вечер, тётя Эм, – этикет и хорошее воспитание, но ещё более нежелание смотреть в глаза старшим, заставили девушку склонить голову.

– Почему Ваша госпожа должна ждать?! – вспышка гнева Юлии была обращена в сторону слуги-подростка, недостаточно проворно отодвинувшего стул, и позволила отвлечь внимание взрослых от самой принцессы.

– Простите, моя госпожа.

– Кто ты есть?

– Меня зовут Питер.

– Ты будешь наказан.

– Да, госпожа.

Но Юлия уже не смотрела в его сторону. Слишком много света и блеска. До сих пор дрожащие руки принцессе пришлось спрятать, но этого никто не заметил. Ужин шёл своим чередом. Пока девушка говорила со слугой, её отец жестом повелел гостям садиться – и в одну минуту все приглашенные оказались за столом. Эрих Горный не любил ждать. Сверкнув такими же голубыми, как у дочери, глазами, он начал приветственную речь.

– Где тебя носит, Грегор! Вечно ты уходишь и шляешься где-то весь день вместо того, чтобы помочь матери по хозяйству! Я целыми днями ломаю руки о чужое белье, чтобы мы не сдохли с голоду, а ты даже дров не желаешь наколоть! На дворе октябрь, теперь не обойтись тряпкой вместо одеяла по ночам или стогом сена на улице! В доме ни крошки еды, собачий

холод, а этот разгильдяй, знай себе бегаёт в соседнюю деревню пялиться на эту девку – дочь мясника! Ещё добро бы мяса оттуда приносил, так ведь нет: ест здесь, а работает за бесплатно там! Ну, что за Судьба! У, глаза бы мои не смотрели! – и прачка, с красными и потрескавшимися от постоянной стирки руками, замахнулась на сына только что отжатой простыней.

Гневная речь не произвела никакого впечатления на худого подростка.

– Мать, не заводись, – только и сказал нескладный парень, ухмыльнувшись. Крупной, как у взрослого мужчины, рукой он отбросил со лба тёмные прямые волосы и, весело насвистывая, отправился в сарай, чтобы выполнить материнскую просьбу.

Грегор Безотцовщина был не из тех, кого легко смутить или озадачить. В деревушке Стул, расположенной на западе Линарии, сын прачки славился дерзким нравом. Разница в возрасте не останавливала этого юнца и перед двадцатилетними парнями, если его задирали. Так что драки в жизни Грегора были самым обычным делом. Свою матушку Силию он жалел, но не слушался лет с десяти. Если хотел уйти – уходил, и приходил назад тоже по собственному желанию.

Когда, после колки дров, потный и грязный подросток вернулся из сарая в обшарпанные стены родного дома, там его ожидал сюрприз. На стуле посреди единственной комнатки сидел деревенский староста Проспер. Добродушное краснощекое лицо почтенного дядюшки выражало решимость, отчего выглядело донельзя потешно. Грегор расплылся в улыбке, едва сдерживая рвущийся наружу смех.

– Здравствуй, Грегор, – неожиданный гость, похоже, даже пыхтел от напряжения.

– Здравствуйте, староста Проспер, – за официальным тоном Грегор попытался скрыть безудержное веселье, бушевавшее внутри.

– Твоя мама попросила меня серьёзно поговорить с тобой, мой мальчик, – голос дядюшки, и правда, звучал печально.

– О чём же? – парень вздохнул и приготовился к очередной порции нудных нравоучений, которыми взрослые частенько докучали ему. С теми же недовольными, кто был ненамного старше, Грегор просто дрался.

– Ты и сам прекрасно знаешь, как трудно было Силии вырастить тебя одной, без отца. Наши законы запрещают людям, живущим вне городов при замках, заниматься торговлей и использовать деньги. В деревнях разрешены только натуральный обмен и работа за еду. И не нужно гневить Судьбу, идя против закона. Ты знаешь это не хуже меня.

Дядюшка немного отдышался, набрал воздуха и продолжил:

– Община существует для того, чтобы помогать друг другу, но помощь не даётся тем, кто не отвечает на неё. Грегор, мы знаем, что ты каждый день проходишь несколько миль на восток в деревню Порог, чтобы увидеться там с девушкой. Но известно ли тебе, что ты этой девочке не ровня? Она никогда не выйдет за тебя замуж, а уж, тем более, не сбежит с тобой, ведь ты не сможешь её обеспечить ни едой, ни жильём!

Ты тратишь время на работу в чужом селении! Возможно, тебя там кормят. Но жителям твоего родного Стула это не приносит никакой пользы. Учти, староста Порога никогда не согласится взять тебя туда на жительство – у тебя нет родственников в их деревне. Я взываю к твоему разуму, если он, конечно, у тебя остался: прекрати ходить туда, это принесёт несчастье и тебе, и твоей матери!

Юлия очнулась от своих мыслей, только когда услышала собственное имя. До сего момента отец говорил о том, что известно каждому жителю Линарии: о былом величии процветающего королевства, о собственном отце – могучем короле Эриане; о двух своих братьях, с которыми Эриан перед смертью велел ему разделить страну на три равные части, чтобы каждый из сыновей правил собственной землей, не претендуя на долю брата; о том, что теперь Линария пришла в упадок и окружена более сильными соседями, от которых королевство

защищено густыми лесами на западе, непроходимыми болотами на севере, пустынями на юге, и, наконец, горами на востоке, среди которых и стоит город-замок Орлос...

И вдруг, рассказывая о диких и свирепых восточных соседях, что живут за горными хребтами, он заговорил о Юлии. Так вот к чему этот торжественный ужин в октябре месяце, когда по календарю нет никаких праздников и увеселительных вечеров!

«Юлия – моя единственная дочь, и самый прекрасный цветок на горных склонах нашего королевства, по нашему недавнему договору с послами царя Седерака, выйдет замуж за его старшего сына Редека. Этот брак укрепит связи между западом Линарии и Делайским государством», – объявил принц Эрих с весёлой улыбкой и, похоже, с радостью, – «Выпьем же за благоприятную Судьбу и успех нового союза!»

Сидящая рядом с ним сестра её матери – тётя Эмилия, впиалась в Юлию взглядом небольших глубоко посаженных глаз:

– Ты счастлива, дорогая? Твой отец так о тебе заботится!

– Да, тётя, Вы совершенно правы, – бесцветным голосом ответила будущая родственница правителей Делайи. Сейчас дочь Эриха Гордого больше напоминала мраморную статую, настолько мертвенно бледным стало её лицо.

Впрочем, никто из гостей не обращал на Юлию никакого внимания, будто хозяин Орлоса говорил о ком-то другом. В сторону принцессы не решался посмотреть ни один человек. Даже отец не сказал ей ни слова и ни разу не взглянул на неё.

Ужин продолжался, а Юлия безотрывно смотрела на серебряные стрелки часов на стене Большого зала и считала минуты. Она выжидала положенные полчаса, после которых, согласно этикету, она сможет удалиться в свою комнату.

Оказавшись наконец одна, Горная принцесса, как её называли, со стоном упала на застеленную кровать. Из голубых глаз полились слёзы, которые Юлия и не пыталась вытирать. Слёзы обильно стекали на подушку, отчего лежать на ней становилось мокро, но девушке было всё равно.

Грегор Безотцовщина стоял, уставившись вниз – на свои пальцы, торчавшие из разорванных старых ботинок. Желваки юноши ходили ходуном, кончики ушей горели, а кулаки сами собой сжимались. Молчание Грегора не выглядело ни смиренным, ни спокойным.

– Я не могу выполнить Вашу просьбу, староста Проспер, – с трудом выдавил сын прачки.

– Тогда придётся запереть тебя в карцере, – вздохнул дядюшка, – Эй, парни, – крикнул он в окошко неожиданно зычным и громким, для такого добряка, голосом. И, не успев Грегору встать в боевую стойку, как пятеро дюжих молодцов уже скрутили ему руки и потащили из дому. Он что было мочи брыкался и вопил, но безуспешно.

Карцером в деревне называли деревянный домик, отличавшийся от других домов меньшим размером и узким окном, похожим на щель. Дверь запиралась снаружи на два больших засова. Нарушителя порядка обычно держали взаперти до тех пор, пока остальные жители были согласны по очереди приносить ему миску супа и лопоту чёрствого хлеба один раз в день.

Грегор догадывался, что может остаться в карцере надолго. В Стуле имелось слишком много желающих, чтобы драчливый парень подольше посидел взаперти. Нынешний год выдался урожайным, голод деревне не грозил, а значит и похлёбку для пленника найдут.

Так и произошло. Миску с едой приносили в полдень и просовывали в прямоугольное отверстие в низу двери. Скучная еда и одинокое сидение в тесной, тёмной и холодной комнатке, действительно, заставили Грегора серьёзно поразмыслить о собственной судьбе. Вечером третьего дня несвободы парень начал громко требовать, чтобы позвали старосту Проспера. Орать сын прачки всегда был горазд, так что жители соседних с карцером домов сочли за лучшее поскорее выполнить просьбу Грегора Безотцовщины.

– Госпожа моя Юлия, Вы не съели за ужином ни крошки! Мне Питер сказал, – Ада вошла в комнату с тарелкой в руках, – Я принесла Вам рагу. Пожалуйста, поешьте!

Слабое движение руки – и служанка в мгновение ока заперла дверь на все задвижки и побежала к кровати.

– Юлия, госпожа, Вам нельзя так, перестаньте! Помните, что случилось три года назад! – на лице рыжеволосой девушки была написана непритворная тревога, а в руках откуда-то появился бокал с водой, – Пейте!

Три года назад. Конечно, Юлия помнила. В двенадцать лет она впервые узнала о себе кое-что, чем не намерена делиться ни с кем и сегодня. Случившиеся с ней тогда истерику и испуг удачно списали на выскочившую прямо под ноги девочке крупную мышь. Мышей принцесса всегда боялась. А в тот раз после нескольких часов рыданий – стала слабой, заболела и три недели провела в постели.

Однако, с тех пор прошло достаточно времени, чтобы дочь Эриха Горного научилась держать себя в руках и не выдавать истинных своих чувств в любой ситуации. Но не сегодня.

– Ты знаешь, Ада, ты уже знаешь? – проговорила Юлия сквозь слёзы, пытаюсь одновременно разобрать ослабевшими от переживаний руками локоны, собранные в пучок слишком туго.

– Конечно, госпожа, все знают. Мне ведь придётся ехать с Вами.

– Что я ей сделала? Почему она ненавидит меня? Разве я виновата, что по закону отец не может на ней жениться? Неужели ей мало того, что моя мать умерла при родах, и она живет здесь, как хозяйка? Разве её дочь не владеет лучшими вещами, тогда как я должна ютиться в самой холодной комнате? Это она настроила отца против меня! Потому-то он за всю жизнь ни разу и не сказал мне доброго слова, не приласкал меня! А теперь хочет отправить в самую ужасную страну, которая только есть поблизости. Проклятая Судьба! Нет, лучше я умру.

– Даже не думайте о таких глупостях! – обычно жизнерадостное лицо рыженькой Ады горело от негодования, – Вы взрослая девушка, а плачете, как пятилетний ребёнок! Прекратите немедленно! Выпейте воды.

Юлия была не в состоянии удержать в трясущихся руках бокал. Служанке пришлось поить принцессу, держа сосуд в правой руке и придерживая голову девушки левой. Зубы у госпожи стучали, и Ада порадовалась про себя, что посуда сделана не из обычного стекла. Хрустальный бокал выдержит, ведь Орлос славится самым лучшим горным хрусталём. А вот соседняя Делайа, на их беду, славится ужасным отношением к женщинам.

– Я сейчас Вас раздену, и постарайтесь уснуть.

– Я постараюсь, Ада.

Юлия знала, что спорить бесполезно – лучше согласиться. Тогда она наконец останется одна и сможет без помех предаться мыслям о своей загубленной жизни. И о ещё более ужасных вещах, которые не давали дочери принца Эриха спокойно спать вот уже три долгих года.

Забиться неровным сном принцессе удалось только под утро.

– Добрый вечер, Грегор. Ты хотел меня слышать? – дядюшка хорошо понимал, что видеть друг друга в данный момент они точно не могут.

– Да, староста. Я согласен на всё, что Вы предлагаете. Выпустите меня, – вежливость никогда не была сильной стороной Грегора. И, вообще, он не считал необходимым здороваться с врагами.

– Ты хорошо подумал, мой мальчик? – всё-таки дядюшка Проспер был очень мягким человеком, – Должен предупредить, что в Пороге тебя тоже не ждут с распростёртыми объятиями. И, возможно, также захотят посадить под замок.

Такого поворота Грегор не ожидал, но менять свои планы он не собирался.

– Я всё понял, староста Проспер. Я никуда не пойду. Выпустите меня. Обещаю отправиться домой и сидеть там.

По крайней мере, это предложение могло быть правдой, ведь молодой человек не стал утруждать себя уточнением «как долго» он будет там сидеть. Засовы были сняты, и Грегор под недоверчивыми взглядами соседей отправился восвояси, то есть домой к Силии.

Сыну прачки совсем не понравилось просить старосту, но и сидеть в карцере ему тоже не слишком хотелось. Какое будущее ожидало его здесь, в Стуле? Работать за еду на кого-то из соседей, кто был удачливее или владел ремеслом? Матушка не позаботилась о том, чтобы отдать его в подмастерья к кузнецу или к пекарю, да, хотя бы, и к мяснику.

Грегор не желал признаваться самому себе, что причиной, по которой он оказался необученным к пятнадцати годам, было не слабование матери и даже не бедность их семьи, а его ужасное упрямство. Уже с пяти лет он целыми днями носился с другими сорванцами по окрестностям, вместо того чтобы ходить в школу, хотя после семи мать его и заставила, выдрав хорошенько. Но даже то скромное образование, что мог дать деревенским ребятишкам дядюшка Проспер, было у Грегора Безотцовщины неполным – парню больше нравилось, как говорила Силия, «шляться по лесу».

Про своего отца мальчик ничего не знал, но несколько раз во время ссор и драк сверстники обзывали Грегора «сыном чужака» и «солдатским отродьем». Из чего парень сделал вывод, что отец его был солдатом из другой страны. Но точно мальчишка ничего не знал, сам не спрашивал, а матушка никогда не говорила.

Видя, как достаётся от сердитых папаш его товарищам по играм, сын прачки никогда сильно не сожалел об отсутствии родителя. «Может, оно и хорошо, – размышлял он после очередной материнской взбучки, – У Силии рука не такая тяжёлая, а подрасту, так и вовсе драть не сможет.»

Солнечные лучи падали на мраморный чёрный пол через узкое восточное окно, отчего рисунок на плитках выглядел странно отчетливым. Ада уже унесла тарелки и приборы после устроенного прямо в кровати завтрака. Причесанная и внешне спокойная Юлия с толстым фолиантом на коленях сидела в своём любимом кресле. Казалось, она внимательно читает или разглядывает рисунки в старинной книге в тяжелом кожаном переплете.

Служанка с рукоделием в руках расположилась на стуле неподалеку и, в очередной раз взглянув на госпожу, отметила, что страницу книги та не переворачивала вот уже добрых двадцать минут. Принцесса не выказывала никакого желания разговаривать, а у рыжеволосой девушки хватало ума молчать.

Вдруг в дверь постучали. Юлия бросила быстрый взгляд на служанку и громко сказала: «Войдите!» Выражение лица, слегка приподнятые в вопросительном внимании тонкие брови и удивленный взгляд принцессы, как бы говорили: «Кто это? Мы никого не ждём.»

Дверь с тихим скрипом отворилась. В дверном проеме стоял коренастый мужчина в чёрном камзоле. На груди нежданного визитёра поблескивала массивная золотая цепь, а на ней висел большой, длиной с ладонь взрослого человека, ключ из того же драгоценного металла. Гость неторопливо вошёл, поклонился, пригладил чёрную с проседью бороду и, чуть растягивая слова, произнёс:

– Доброе утро, госпожа моя Юлия.

– Доброе утро, Михаэль. Что привело уважаемого казначея к нам в столь ранний час?

На самом деле удивление принцессы было так велико, что она ухватилась за переплёт книги, как за спасательный круг, удерживающий её от того, чтобы вскочить и воскликнуть: «Что Вам понадобилось в моей комнате?! За пятнадцать лет Вы заговаривали со мной от силы три раза, а теперь врываетесь, как старый знакомый! Вы самый угрюмый человек в Орлосе, непонятный и пугающий. Уходите!»

– Я отвлекаю мою госпожу от важных дел? – взглянув на книгу в руках Юлии, сказал казначей. Этикет требовал, чтобы руки во время беседы были свободны.

– Нет, я уже закончила, – с почти осязаемым сожалением девушка передала том в руки подошедшей Ады, – И я надеюсь, что моя служанка может присутствовать при нашем разговоре, – продолжила хозяйка комнаты.

– Да, конечно, никаких секретов, – глаза из-под кустистых бровей посетителя смотрели без неприязни, но вызвали желание поежиться, – Я пришел с частным визитом, а разговор касается вас обеих.

– О чём же Вы хотите нам рассказать? – Юлии удавалось сохранять вежливую улыбку и безмятежное выражение лица.

– О Вашей дальнейшей судьбе, драгоценная принцесса Юлия, – и без дальнейших отступлений гость продолжил, – Все мы знаем, какую участь приготовили Вам Ваш отец и тётя. Многие при дворе принца Эриха помнят и любят Вашу покойную матушку Вэллу Прекрасную. Вы так на неё похожи.

– Всем, кроме глаз, – перебивать было невежливо, но слова сорвались с губ золотоволосой девушки так быстро, что она сама поразилась. Казначей, намеренно или случайно, привёл одно из самых болезненных для дочери Эриха и Вэллы сравнений.

– Да, кроме глаз, – согласился он, – Глаза у Вас отцовские. Но это сейчас не имеет значения. Вам угрожает страшная опасность и уготована многих из нас сильно огорчившая участь, – низкий голос звучал почти сочувственно, – Вам необходимо бежать, госпожа моя. И как можно быстрее. Принц Эрих хочет отправить Вас вместе со служанкой в Делайю через неделю. Завтра весь двор уезжает на охоту в леса на восточных склонах. Это единственный шанс уйти из замка незамеченными. Я надеюсь, что у столь юной служанки хватит ума и сил, чтобы помочь своей госпоже? – и Михаэль Кредо с сомнением посмотрел на веснушки Ады.

Ада гордо выпрямилась, но тут же одумалась и глуповато улыбнулась. Будучи всего на год младше принцессы, она с малых лет научилась с выгодой для себя использовать свою детскую внешность, не внушающую окружающим никаких подозрений о том, что в рыжей кудрявой головке находится весьма практичный и быстрый ум. Это помогало ей безнаказанно находиться рядом с вельможами, ведущими серьёзные, а иногда и тайные, разговоры.

– Благодарю Вас, Михаэль, за заботу о моём будущем, – голос Юлии звучал холодно и бесстрастно, – Я надеюсь, что Вы глубоко заблуждаетесь относительно намерений моего отца. И обещаю Вам, что не придам огласке нашу частную беседу. А теперь попрошу нас оставить. Мне нужно переодеться на прогулку.

Вид у казначея был такой, будто на него вылили ушат холодной воды. Но он быстро справился с эмоциями и, пригладив двумя руками свои седеющие волосы, сказал:

– Как будет угодно моей госпоже. Но, если мои слова всё же нашли отклик в Вашем разуме и сердце, то знайте – в Орлосе у Вас есть друзья, готовые оказать Вам помощь. Времени для принятия решения у Вас немного. Да благословит Вас Судьба во веки веков. Позвольте мне удалиться, – придворный казначей поклонился и вышел.

Аде не нужно было объяснять, что делать. Дверь была мгновенно заперта. От спокойствия принцессы не осталось и следа: щёки её пылали, кулаки сжимались, голубые глаза горели гневом.

– Да как он посмел! Кто он такой, чтобы указывать мне как поступать?!

– Но ведь он прав, – смиренно сказала рыжая служанка, готовая к тому, что гнев Юлии переключится на неё.

– Прав, прав. А-а-а, что же мне делать?! Я не могу бежать – я не знаю куда. Мы не уйдём далеко по лесу. Я боюсь оставаться и боюсь уйти. Мне страшно, Ада! Я пропаду в любом случае, – гнев на бледном лице сменился выражением полного ужаса.

– Госпожа моя, успокойтесь, – Аде пришлось даже слегка встряхнуть принцессу за плечи, – Я уже обо всем подумала. Мы можем отправиться на Остров к брату Вашего отца

Клайву. Туда всего двадцать дней пути, если сначала на лошадях, а потом на лодке. Он с радостью примет Вас и не выдаст людям Эриха Горного.

– Что ты несёшь? С чего Клайв Озёрный примет меня – дочь старшего и ненавистного брата? Да и добраться мы туда не сможем: деньгами пользоваться нельзя, ты сама знаешь, на лошадях я ездила только на пару часов охотиться, а дорогу мы с тобой и вовсе не найдём без проводников. Нас могут выдать сборщикам налогов моего отца в его владениях, а это, считай, вся суша до самого Великого Озера. Мы же не можем стать невидимыми и ничего не есть к тому же?

– Во-первых, Вы заблуждаетесь насчёт принца Клайва. Неужели Вы не знаете, что все три брата были влюблены в Вашу матушку, но она предпочла Вашего отца? Вы почти точная копия Вэллы Прекрасной! Вам даже доказывать не нужно, кто Вы такая. Говорят, что у Клайва в Главной зале висит портрет Вэллы, и он не женится, потому что до сих пор любит её.

– Ну, это не причина для того, чтобы помогать её дочери, которую он видел лишь в колыбели.

– Вы забываете, что кроме любви к прекрасной даме, у него есть ещё ненависть к брату-захватчику.

– О, да! Я помню, что часть прибрежных земель отошла отцу по причине его более сильной стражи и сборщиков податей. Но Клайв сам виноват, нужно было их охранять получше.

– Великая Судьба! Юлия, госпожа моя, забудьте на время о родовой гордости, а подумайте-ка лучше о собственной жизни и безопасности. Если мы хотим уйти без помех, то нужно воспользоваться советом казначея и уходить завтра.

– Советом его я могу воспользоваться, а вот помощью вряд ли. Я бы предпочла, чтобы никто не знал о том, что я сбежала.

– Мы так и сделаем. Я почти всё приготовила ещё вчера. Я ведь знала, что будет вечером, – Ада виновато скосила глаза в сторону, – Ну, Вам об этом говорить было бесполезно.

– Хорошо, давай пока выйдем на прогулку, чтобы не давать повода сплетням и надежды Михаэлю, а в парке спокойно всё обсудим, – к принцессе вновь вернулось обычное внешнее самообладание.

Глава 2 Побег

Долго оставаться в родных стенах Грегор не собирался. Дождавшись темноты, под предлогом нужды он вышел за порог старенького домика и стремительно направился в сторону леса. Через несколько мгновений черноволосый парень буквально растворился в осенней темноте. Замёрзнуть юный путник не боялся, потому что собирался быстро идти всю ночь.

Конечно, он очень хотел увидиться с Мари – дочерью мясника из Порога, но понимал, что не пройдет и двух шагов по её деревне, как будет схвачен и наказан. Сидя в карцере, Грегор успел поразмыслить над вопросом: а стоит ли околачиваться возле дома девушки, которая даже не глядит в твою сторону? Ведь это он ходил в Порог посмотреть на неё, а не она его приглашала.

Поэтому сын прачки собирался дойти сначала до одного из четырех крупных лесных озёр, лежащих в густых западных лесах. Это озеро как раз находилось почти посередине и немного южнее двух деревень, где Грегора теперь никто не хотел видеть. Называлось оно Озеро Третье. Четвёртое располагалось севернее, а Второе и Первое по порядку ещё южнее.

Если взглянуть на Линарию с высоты птичьего полёта, но не обращать внимания на реки и мелкие лесные водоёмы, то эти четыре озера похожи на следы от кончиков огромных пальцев, направленных на запад страны. «Пальцев» той «ладони», что «выдавила» в самом центре Линарии огромное озеро Великое, посреди которого на Острове стояли замок и город Клайва Озёрного.

Для редких путешественников было весьма кстати, что из крупных лесных озёр на восток несли свои воды к Великому озеру четыре глубокие речки – этими водными путями можно было попасть во владения принца Клайва, по слухам, самого справедливого и разумного из троих голубоглазых потомков великого короля Эриана.

Под утро следующего дня погода стала пасмурной, но дождя не было. Тяжелые серые тучи, казалось, задевали вершины сосен, растущих у подножия горного кряжа, на котором подобно гигантскому орлиному гнезду расположился замок Орлос.

Вчера, сразу после прогулки по осеннему саду, Юлия легла в постель. Рыжая служанка оповестила принца Эриха о том, что дочь его, очевидно, простудилась, и самочувствие не позволяет принцессе отправиться на завтрашнюю охоту.

Отец передал записку, в которой сообщал: он огорчѣн недомоганием дорогой дочери, но искренне надеется – Юлия поправится ко времени отъезда в Делайю. Присланный вместе с запиской придворный лекарь объявил, что недуг принцессы связан с переутомлением, прописал строгий постельный режим и оставил микстуру.

Юлия задумчиво вертела в руках склянку с жидкостью противного зелёного цвета и ещё более мерзким запахом. Ада решительно отобрала у хозяйки лекарство и, для надёжности, засунула злополучную бутылочку в карман своего белоснежного передника. Служанка была очень занята и не собиралась тратить время на разговоры о возможности самоубийства посредством отравления.

Весь прошлый вечер рыжеволосая девушка собирала вещи, которые могут им понадобиться во время длительного путешествия. Ей пришлось много раз спускаться на кухню и под предлогом того, что госпожа больна и не желает её отпускать от себя, понемногу брать и относить в комнату разные продукты. Свои действия Ада весело поясняла всем окружающим: «Сейчас госпожа Юлия заснула, но завтра наверняка не выпустит меня из комнаты ни на минуту! Должны же мы будем что-то есть. Особенно я!»

Впрочем, на девушку и так никто не обращал внимания: вся прислуга и повара суетились и готовили для завтрашнего обеда на свежем воздухе. Кроме того, предстоял ещё один торжественный ужин вечером, когда принц и двор вернутся с охоты в восточных лесных угодьях.

Ада продолжала сборы и после трех часов ночи, когда разбудила Юлию, но велела ей пока остаться в кровати. Принцесса лежала, свернувшись калачиком, и едва приоткрытыми глазами следила как служанка, шевеля губами, вновь пересчитывает сложенные вещи, крепко завязывает очередной тюк и куда-то его уносит безмолвно и тихо, как тень выскальзывая из комнаты. Юлия понимала, что толку от её помощи всё равно сейчас не будет никакого, поэтому просто молча ждала той минуты, когда нужно будет встать и одеться.

В октябре светает уже не так рано, как летом. В четыре утра девушки одевались в почти кромешной темноте, при свете единственной свечки. В гардеробе принцессы нашлось два бархатных охотничьих костюма и два тёплых плаща. Ада надела костюм поменьше, тёмно-синего цвета, а Юлию она одела в такой же, только тёмно-зеленый. Принцесса погладила тонкими пальцами меховую опушку подобранного в цвет камзола берета. Посмотреть на то, как она выглядит, дочь Эриха не могла – в комнате не было зеркала.

Три года назад Горная принцесса сама потребовала, чтобы большое старинное зеркало вынесли из комнаты, где она спит. Никто не стал возражать, поскольку старое поверье гласило: держать зеркало в спальне – дурная примета. Старшие рассудили, что впечатлительная девочка лишь недавно узнала об этом и испугалась. А быть хорошо одетой и причесанной принцессе помогала прислуга.

После того, как они с Адой спрятали под беретами свои девичьи кудри, служанка не удержалась от восторга:

– Госпожа, да мы теперь похожи на мальчиков!

– Жаль, что это не так, – грустно пробормотала принцесса, – Оружие бы нам не помешало.

– Да, – согласилась служанка, – В оружейный зал никак нельзя попасть без ведома Вашего отца. Но я нашла Ваш кинжал, он почему-то оказался среди одежды. Вот.

И изящные серебряные ножны украсили пояс принцессы.

– Так лучше, – согласилась она.

Грегор не боялся темноты. Он всегда считал себя смелым парнем и даже отчаянным. Дорога, по которой сын прачки постепенно углублялся в густой мрачный ельник, была достаточно широкой, поскольку вела в Порог. Но Грегор не собирался идти по ней всю ночь. Юноша помнил, что в какой-то момент необходимо повернуть направо, чтобы выйти к озеру Третьему. Днём это не представляло никакой сложности, тем более, на озеро юный путешественник ходил неоднократно. Он и сейчас не сомневался, что правильно найдёт дорогу.

За пазухой у Грегора Безотцовщины был спрятан только один кусок зачерствевшего хлеба. Но беглец не страшился голода, поскольку был уверен – «что-нибудь подвернётся». Такая уверенность не удивила бы летом, когда лес может накормить путника, но сейчас, в унылом холоде октября, казалась неразумной.

Впрочем, сын деревенской прачки не был глупым или беспечным простаком, хоть и отличался верой в собственные силы и природной весёлостью. А с таким характером ребёнку, росшему без отца и в бедности, жилось легче.

Этот нескладный парнишка побывал во многих переделках. Правда, до сих пор ни разу ещё не приходилось ему идти по осеннему лесу ночью, одному и налегке. Однако путник верил в свою удачу и счастливую судьбу. Наверное, именно поэтому Грегору и удавалось всегда быть в хорошем настроении.

Ярко светила полная луна. Лес по обе стороны дороги напоминал высоченный чёрный забор – верхушки елей чётко виднелись на фоне звёздного неба. Грегору хотелось насвистывать. Но он чувствовал: свист будет звучать жутковато в полной тишине, и ограничился тем, что стал напевать про себя бодрый мотивчик.

Замёрзнуть беглец не боялся даже в своей тонкой рубашке, коротковатых штанах и рваных ботинках, потому что шёл быстро и останавливаться не собирался. А поспать, рассудил

он, можно и днём, когда станет немного теплее. Если собрать лапника и сделать что-то вроде гнезда в корнях какого-нибудь большого дерева – получится вполне подходяще для отдыха.

Час проходил за часом, дорога превратилась в лесную тропинку. Путешественник свернул вправо, как ему показалось, в нужном месте. По расчётам Грегора выходило, что через пару часов он придёт на болотистый берег Озера Третьего и, если прошагает ещё часа с полтора вдоль воды, то найдёт сухое и пригодное для привала место. А к тому времени должно было достаточно рассвети, чтобы понять где находишься.

Грегор старался не слишком много думать об озере, поскольку мысли о воде вызывали жажду, и тогда ночной путник чувствовал подступающую усталость. Лучше уж помечтать об интересных приключениях, которые, без сомнения, ждали впереди. Если же это не так, то тогда побег из дома не имел никакого смысла. А вот в это Грегор верить не хотел.

Выйти из замка незаметно можно было только двумя путями. Одна небольшая тайная дверь располагалась с его восточной стороны, а другая – с западной. Девушкам была нужна вторая.

Замок стоял, как человек, прислонившийся спиной к огромной скале. Поэтому нападения с севера никто не опасался. А перед Орлосом, охватывая площадь в десятки раз большую, чем сам дворец, подобно овальному подносу лежал «город при замке». Город был обнесен высокими крепостными стенами, которые примыкали к Орлосу, как если бы они были кольцом, а замок драгоценным камнем на перстне.

Тайные выходы находились в тех местах, где крепостная стена смыкалась со стеной замка, и давали возможность попасть внутрь или выйти из строения, не пересекая широкий крепостной ров. Каждый из секретных ходов был скрыт за высокой скалой, прилегающей почти вплотную к дверям. Здесь нужно было пройти сквозь довольно тесную для взрослого человека щель, а затем спуститься по петляющей между скал узкой тропинке, которая вела в сосновый лес, неразличимый сейчас в густом утреннем тумане

Девушки бесшумно крались по коридорам к западной двери. Обутые в мягкие охотничьи сапоги на шнуровке, они тихо ступали в полной темноте и осторожно продвигались к выходу. В свечах не было необходимости – всё детство девочки провели, играя в этих сводчатых коридорах, и их ноги помнили каждый выступ и ямку в каменной кладке пола.

Юлия старалась не дрожать. Утренний холод, нервное напряжение и короткий сон вызвали озноб, но нежелание выглядеть слабой и испуганной было сильнее. Принцесса ничего не спрашивала у рыжей компаньонки. В преданности Ады она сейчас была уверена больше, чем в чём-либо на свете.

Лиловые плащи из гладкой ткани, щедро подбитой снизу лисьим мехом, стали настоящим спасением от холодного воздуха и ветра, пронизывающего всех, кто решился выйти на улицу в это сумрачное и неприветливое время.

Спуск по тропе занял около часа. Несмотря на клубящийся вокруг туман, уже можно было догадаться с какой стороны находится восток, и где, если бы его не скрывали низко висящие тучи, сейчас брезжил бы рассвет.

Их путь лежал в сторону, противоположную восходящему солнцу. Хороший ориентир для тех, кто не очень-то представляет себе дальнейшую дорогу. Внизу, на границе леса, подступающего прямо к скалам, виднелись тёмные силуэты.

– Кто там? – сдавленным шёпотом спросила принцесса.

– Не бойтесь, там лошади и верный нам человек.

До этой минуты девушки шли молча, скользя в тумане, невидимые и неслышимые ни для кого из обитателей замка. Теперь же нарушенное молчание будто сломало защитный покров и реальность казалась мрачнее самого дурного сна.

Три лошади, с перекинутыми перед седлами тюками, и молодой человек стали ясно видны подходящим всё ближе девушкам.

– Здравствуй, Питер, – Ада приветливо кивнула.

– Доброе утро, госпожа моя Юлия, да благословит Вас Судьба во веки веков. Доброе утро, Ада.

Высокий темноволосый юноша показался принцессе странно знакомым. А, это на него она накинулась во время того ужасного торжества в Большом зале.

– Госпожа, это Питер, сын главного конюха. Он готов поехать с нами, чтобы помогать, – объявила, сверкнув в полумраке глазами, верная Ада.

– С нами?! – даже в предрассветных сумерках на бледном лице принцессы, вынужденной бежать из родного дома, стал заметен гневный румянец. Но приближающуюся грозу вдруг сменило полное спокойствие:

– Хорошо, пусть едет.

Юлия унаследовала от отца склонность к гневным вспышкам в отношении слуг, но сейчас разум дал ей мгновенный совет: «Двое слуг, две пары глаз, две пары рук. Конечно, я не знаю этого Питера, но Ада наверняка сто раз подумала, прежде, чем взять его с нами. К тому же, при нём гордость не позволит мне поддаваться приступам слабости и упадку духа.»

Сын конюха помог своим спутницам взобраться на коней. Девушкам нечасто приходилось ездить в мужских сёдлах и в первый момент они нашли их достаточно удобными.

Ада сидела на пегой лошадке по имени Соня. Это была спокойная и добрая лошадь, подаренная Юлии на позапрошлый день рождения. Сама принцесса обрадовалась собственному серому коню по кличке Гранит. На нём она ездила охотиться со свитой. Гранит слушался её беспрекословно, при этом был очень быстрым и выносливым. Питер вскочил на коня необыкновенной чёрной масти, по статям – очень дорогого.

– Чей это конь? – вопрос голубоглазой красавицы не был праздным. Если конь принадлежит её отцу или его приближенным, то пропажи хватятся не позднее, чем через час.

– Это конь казначея Михаэля Кредо. Он разрешил его взять, – карие глаза Питера смотрели на принцессу прямо и смело. В другое время Юлия не потерпела бы такого дерзкого взгляда, но сейчас её заботило другое.

– Так он знает?

– Госпожа моя, – вмешалась Ада, – Конечно, знает. Нам никак нельзя было обойтись без посторонней помощи. Вы ведь догадываетесь, что кто-то должен закрыть за нами дверь, чтобы нашего отсутствия хватило как можно позже?

Да, тайные двери закрывались на засовы только изнутри. И Ада была совершенно права.

– Кто ещё посвящен в наш план? – Юлия обращалась теперь к обоим своим спутникам.

– Больше никто, – хором ответили они.

Служанка бросила на Питера весёлый взгляд. Казалось, Ада готова расхохотаться, хотя момент был совершенно неподходящий. Глаза цвета еловой хвои смотрели на парня ласково, а на щеках рыжеволосой девушки заиграли ямочки. Принцесса сделала вид, что не заметила полного симпатии взора служанки, но теперь Юлии стало ясно, почему им в спутники выбран именно Питер.

Глава 3 Игроки

Кудрявый юноша сидел за небольшим столиком, на котором стояла шахматная доска, и с любопытством рассматривал человека с длинными волосами, стоящего к нему спиной. Юноша прибыл сюда недавно, всё вокруг его изумляло, поэтому он частенько озирался по сторонам, но всё же старался делать это незаметно для окружающих.

Вот и сейчас, сидя в зале, залитой солнечным светом, падающим сквозь необычайно высокие окна, гость продолжал удивляться. Вокруг царили светлые тона, на стенах располагалось несколько огромных зеркал. Полупрозрачные резные колонны, расширяясь кверху подобно исполинским цветам, подпирали куполообразные потолки, отливающие перламутром. Всё окружающее казалось созданным из воздуха и света.

Высокий человек, стоящий у окна, тихо сказал:

– Разве они не прекрасны?

– Кто прекрасен, дядя?

– Болота. Подойди сюда, Меон, – и говоривший, не оборачиваясь, поманил собеседника рукой, тонкие пальцы которой были украшены множеством перстней – на солнце сверкнули драгоценные камни.

Молодой человек повиновался, он подошёл и встал рядом. Поразительно, насколько сильно черты полноватого и добродушного лица юноши отличались от точёных линий и гордого профиля его старшего родственника. Светло-серые глаза белокурого красавца смотрели на Меона внимательно, холодно и строго.

– Посмотри, как красиво, – собеседник вновь отвернулся к окну.

– Да-а, простор, – пробормотал племянник, соглашаясь, но в душе совершенно не разделяя восторга дяди по поводу того, что увидел.

Болота, тянувшиеся покуда хватал глаз, в конце октября мало кто смог бы счесть привлекательным зрелищем. Жухлая трава, кочки, кое-где под неяркими солнечными лучами поблескивает тёмная вода. Единственное, что могло поразить воображение наблюдателя – эти внешне безжизненные, лишённые даже чахлах кустов, а тем более деревьев, северные болота тянулись без конца и края до самого горизонта.

– Дядя Нартус, как Вам удалось воздвигнуть столь чудесный дворец среди таких топей? – юноша чуть не сказал «жутких», но вовремя придержал язык.

– У меня ушло на это двадцать лет, Меон. Но теперь я могу жить в доме, который меня устраивает. Пойдём, присядем.

Они вернулись к шахматному столику и сели на места игроков. Хозяин взял с доски одну из фигурок и задумчиво повертел её в длинных пальцах. Хрустальная пешка сверкала на солнце, как бриллиант. Шахматные фигуры, стоявшие на стороне Меона, были сделаны из тёмного сердолика и тоже слегка поблескивали.

– Необычные шахматы, – заметил юноша, – Очень красивые.

– Да. И очень дорогие. Подарок Эриха Горного. У меня много подарков от тех, кто считается правителями этой страны. Но я хотел обратить твое внимание не на внешний вид, а на содержание. Посмотри на эту пешку. Обычно игрок не боится потерять её в начале игры, когда у него ещё много более сильных фигур. Но, как же всё изменяется ближе к концу: тот, у кого сохранились пешки, способные дойти до последней клетки, может всё повернуть в свою пользу.

– Пешка превращается в ферзя.

– Да. Либо в другую нужную фигуру. Это очень ценное качество пешек. О нём никогда не стоит забывать, – тонкие губы Нартуса изогнулись в улыбке, – Начнём игру.

Но никто из них не успел сделать своего хода. В зал стремительным шагом вошёл слуга и, припав на одно колено перед хозяином замка, быстро проговорил:

– Господин мой, есть новости.

– Говори.

– Принцесса Юлия вчера самовольно покинула замок Орлос. Сбежала вместе со служанкой, очевидно не желая выполнять волю отца. Принц Эрих объявил, что выдаёт её замуж за сына владыки Делайского государства, их восточных соседей.

– Спасибо, Эд. Ты правильно сделал, что быстро сообщил. Можешь быть свободен.

Когда шахматисты вновь остались в одиночестве, Нартус бросил слегка насмешливый взгляд на явно заинтригованного племянника.

– Да, Меон, мне придётся многое тебе рассказать о Линарии. Наше государство уже много лет находится в упадке. Как видишь, тут даже не нашлось достойных учителей для сына моей сестры. Поэтому я и отправил тебя учиться у лучших представителей научных школ Малине-рии. Думаю, что теперь ты – самый высокообразованный юноша в здешних краях.

– Дядя, я Вам действительно очень благодарен. Сейчас я понимаю, что и мечтать не мог о том, чтобы получить столь обширные знания, оставаясь здесь. Матушка была бы счастлива узнать об этом, если бы была жива.

– Да, это так. Но мы отвлеклись. Придётся тебе подождать ещё немного. Потому что новости, которые мне сейчас сообщили, чрезвычайно важны. Их нужно проверить.

И Нартус, шурша полами серебристого одеяния, подошёл к самому большому из украшавших залу зеркал. Он замер возле зеркальной поверхности и около получаса стоял неподвижно, внимательно всматриваясь в неё. Меон понял, что стал свидетелем чего-то необычного, поэтому не смел пошевелиться и сидел очень тихо, а если бы мог, то перестал бы даже дышать. Но юношу раздирало от любопытства.

– Итак, сегодня двадцать пятое октября, – наконец произнёс, столь долго любовавшийся собственным отражением белокурый красавец, – Наша пешка сделала свой первый ход. Должно быть, сейчас в путь отправилась и вторая, – он замолчал, скрестил руки на груди и надолго задумался.

– А, ты жаждешь объяснений, – наконец изрёк Нартус, взглянув на покрасневшего Меона, – Тогда придётся отложить нашу партию на послеобеденное время. За обедом я тебе всё расскажу.

Дядя позвонил в серебряный колокольчик и спросил у пришедшей служанки: готов ли обед? Получив утвердительный ответ и заверения, что стол на двоих в малой столовой уже накрыт, Нартус направился к выходу. Изящным взмахом руки он велел Меону следовать за ним.

Птица вскрикнула и слетела с ветки. Перед её глазами мелькали деревья, сосновые иглы и клочья тумана. Наконец сверху она увидела дорогу и троих человек на лошадях. Пичуга по спирали опустилась ниже, оставаясь на безопасном расстоянии от людей. Несколько кругов над головами наездников, и крылатому созданию стало понятно – это две девушки и молодой человек. Они ехали медленно, углубляясь в сосновый бор по широкой дороге, идущей от гор.

Птица снова тревожно вскрикнула и, подчинившись чужой воле, начала подниматься всё выше и выше над деревьями. Пернатый комочек не мог оторваться от человеческих существ, будто невидимая нить не давала птичке покинуть пространство, за пределами которого её глаза перестанут видеть наездников.

Но подниматься ввысь крылатая наблюдательница могла. Когда, сделав ещё один виток, она увидела в какую сторону ведёт дорога и направлено движение коней, птичку словно выпустили из тесной клетки. Пичуга в ужасе помчалась в сторону своего гнезда, чтобы там спрятаться от неведомой опасности, исходившей из её собственной маленькой головки.

В дверь постучали.

– Войдите! – женщина, сидящая перед зеркалом, не перестала расчесывать костяным гребнем свои прямые чёрные волосы и не повернулась на стук.

Дверь приоткрылась и в дверном проёме показалась миловидная девушка. Немного смущённо она произнесла:

– До завтрака ещё почти час, Лилиан. Можно я посижу у Вас?

– Конечно, дорогая, располагайся.

В полутёмной комнате горела только одна свеча на туалетном столике. Затрепетавшее от потока воздуха пламя освещало бледное, почти белое, лицо черноволосой женщины.

– Твой отец сообщил что-то ещё?

– Нет, только то, что я уже сказала. Принцесса покинула замок около четырех часов утра.

– Глупышка, – зелёные глаза Лилиан сверкнули в темноте, – Отказываться от помощи в её положении. Неужели она решила, что доберётся до Клайва самостоятельно?

– Отец передал в послании, что принцесса была совершенно непреклонна. Он отправил с ней и её служанкой сына конюха и дал им хороших коней.

– Твой отец всегда отличался здравым рассудком. Только боюсь, не мы одни уже знаем о том, что произошло. И теперь нам трудно будет повлиять на ход событий. Хотя... – женщина подпёрла рукой подбородок и после непродолжительного молчания вдруг пропела:

– Рыцарь увёз далёко

Своей подруги кольцо,

Но всегда с ним было

Родное её лицо...

Мы отправим ей кольцо, Элиза! – с воодушевлением сказала хозяйка комнаты, – Оно приведёт её к нам.

– И как же такое возможно?

– Подожди, я ещё подумаю. Но сделать это необходимо и как можно быстрее. Я уже посмотрела на эту троицу – дети, которые отправились в лес, не зная дороги и опасностей пути. Смешные слабые дети.

Элиза промолчала, только посмотрела на отблеск свечи в зеркале. Если бы она осталась жить в Орлосе, возможно, сейчас была бы подругой принцессы. Но Элиза многие годы провела в Убежище, куда отец привёз её ещё младенцем. Девочка выросла практически на руках у Лилиан Светлой и относилась к ней, как к матери.

С годами юная воспитанница стала единственной, кому замкнутая «лесная жительница» доверяла и рассказывала о своих планах. Чудесное Убежище не было дворцом, как, например, жилище Нартуса, извечного противника Лилиан во всех делах. Но это был красивый, большой и просторный дом, укрытый в лесах на юге Линарии от тех, кому знать о его местонахождении не полагалось.

Вскоре хозяйку и её приёмную дочь позвали завтракать. За столом девушка не произнесла ни слова, понимая, что сейчас все мысли Лилиан заняты принцессой Юлией. Воспитанница прекрасно знала: почти всё, что придумает волшебница, будет рассказано ей позже, и нет никакого смысла торопить события.

Во время обеда хозяин замка хранил молчание. Меон не решался начинать расспросы, к тому же он проголодался. Юноша благоразумно сосредоточил своё внимание на еде.

Стол был роскошен. Кроме местных блюд, таких как огромные запеченные с пряностями караси или жареная печень горного козла, были и экзотические фрукты из Делайи, и, знакомые Меону по жизни там, очень вкусные тушёные овощи из Малинерии.

Когда подошел черед сладкого, дядя наконец заговорил:

– Меон, ты, конечно, хочешь узнать о какой игре я говорил во время нашей несостоявшейся шахматной партии. Так вот, должен тебе сказать, что началом игры я назвал некое действие, которое должно повлечь за собой другие события.

Моя матушка умерла двадцать лет назад. Она была ещё достаточно крепкой для своего возраста, но быстро таяла из-за неизвестной болезни – слабела на глазах и в течение недели покинула нас. Она обладала тем же даром, что и я, но в более слабой форме.

Однако перед смертью ей было видение, которым она поделилась со мной. Знает об этом пророчестве не так много людей и, в основном, – это маги. Так вот. Матушка сказала, что некая девушка и некий юноша встретятся в этом году (она назвала дату именно текущего года) и полюбят друг друга. Но важно не это. Важно, что от их союза родится ребёнок. Мальчик, который будет обладать необыкновенными способностями. Значительно большими, чем были у всех доселе живших в Линарии людей. И этот мальчик восстановит славу Линарийского королевства. Более того, объединит весь наш мир. Меон, ты веришь в Судьбу?

– Ну, дядя, я верю, что некая сила вроде судьбы ведёт каждого из нас.

– Нет, дорогой племянник. Не что-то вроде судьбы. Судьба, как нечто predetermined, существует. Но это не значит, что ей нельзя противостоять. Или хотя бы пробовать.

Если встреча этих двоих неизбежна, согласно Предсказанию, то мы можем либо наблюдать, как она произойдёт, либо пытаться противодействовать. Этим я и собираюсь заняться. Ведь Предсказание – не приговор. А Судьба тоже любит подшутить над теми, кто в неё безрассудно верит.

Я знаю: мои попытки могут быть обречены на неудачу, но они могут и развернуть события в другую сторону. Однако, хочу тебе заметить, всё было бы гораздо проще, если бы действительно не походило на игру.

Девушка и юноша – только пешки, которым предстоит пройти путь. Кто знает, может быть и до конца доски? Но есть и другие маги, знающие о Предсказании. Я уверен – они будут пытаться по-своему влиять на ходы, которые будут делать наши пешки.

– Но, дядя Нартус, почему Вы так уверены, что принцесса Юлия – девушка из Предсказания? – недоумение на лице Меона было искренним, но плохо скрывало прорывающееся любопытство.

– А потому, мой мальчик, что у меня было долгих пятнадцать лет на то, чтобы в этом убедиться. Ведь ты же не думаешь, что я рассказал тебе всё, что было в пророчестве моей матушки?

Нартус откровенно веселился, наблюдая как в очередной раз за сегодняшний день щеки племянника покрываются краской, когда маг произносил вслух верную догадку о мыслях недавно прибывшего в Тайный Дом гостя.

– Хочу тебя утешить – в этой игре и для твоих ходов найдётся место, – добавил светловолосый чародей, – И я собираюсь поведать тебе ещё много интересного. Ты ведь приехал, чтобы помогать мне, не так ли, Меон?

– Конечно, дядя, – и ободрённый юноша преданно посмотрел в лицо своему могущественному и загадочному родственнику.

Лилиан сидела в своей комнате и смотрела в большое круглое зеркало на стене. Зелёные глаза волшебницы внимательно наблюдали за чем-то недоступным для взгляда постороннего зрителя. Время от времени Лилиан произносила фразы на странном гортанном языке и делала резкие движения руками, будто стряхивала с кончиков пальцев воду.

Выражение бледного лица менялось в зависимости от того, была ли женщина довольна тем, что видела на зеркальной поверхности, или нет. Так продолжалось в течение примерно трёх часов. Ни на минуту хозяйка комнаты не отвела глаз от зеркала в серебряной раме, ни на мгновение не отвлеклась от своего занятия. В какой-то момент действия Лилиан потребовали всех её сил: лоб волшебницы покрылся каплями пота, одной рукой она судорожно вцепилась в край столика.

Наконец чародейка позволила себе закрыть глаза. Вероятно, цель была достигнута. Молча, на вызывая слуг, Лилиан добралась до своей кровати и упала на покрывало. Со стороны было непонятно: провалилась ли она мгновенно в глубокий сон или же потеряла сознание?

Когда следующим утром хозяйка Чудесного Убежища не вышла к завтраку, Элиза постучалась к наставнице и, не получив ответа, вошла. Лилиан, суда по всему, крепко спала. Но глубокие тени вокруг глаз и заострившиеся черты лица приёмной матери так напугали девушку, что Элиза немедленно позвала лекаря.

Личный целитель Лилиан Светлой констатировал сильное переутомление и настоятельно рекомендовал больной провести в постели не менее месяца. Он строго-настрого запретил своей подопечной применять магию. Элиза пообещала, что не позволит волшебнице нарушать требования врача.

Нартус задумчиво вертел в пальцах правой руки округлый блестящий камушек. Перед хозяином Тайного Дома в полумраке комнаты холодным голубоватым светом мерцал круглый стол. После нескольких минут размышлений, маг положил камень в одно из множества слабо светящихся отверстий на поверхности столешницы. На миг бело-голубое свечение стало ярче.

Камушек провалился, но вскоре «вынырнул» из другого отверстия гораздо ближе к центру круглого поля. Теперь камень располагался довольно близко к хрустальной многогранной сфере, находящейся в середине стола.

Нартус вздохнул и снова взял в руки свою «фишку». Теперь он положил её в углубление совсем рядом с переливающейся сердцевиной загадочного сооружения. Едва уловимое движение – и камушек каким-то образом оказался внутри сферы.

«Вот так, всего за два хода», – пробормотал волшебник. Похоже, результат манипуляций его огорчил. А, может быть, и нет.

Нартус не собирался задерживаться в этой комнате, он только забрал из хрустальной сферы опал и положил в одно из двенадцати углублений, расположенных по краю игрового поля. Затем светловолосый чародей стремительно покинул помещение. Впереди у него ещё была длинная и бессонная ночь.

Глава 4 Встречи

– Госпожа моя, Восточный лес можно легко проехать на лошадях дня за два-три. Сосны растут не слишком густо, лес светлый и далеко просматривается. Дорогу к Восточной равнине используют нечасто, но заблудиться трудно. Если будет погоня, нас, конечно, легко здесь найдут. Но благодаря слуху о Вашей болезни, мы выигрываем как раз необходимые два дня, чтобы уехать подальше от замка. Я предлагаю не останавливаться на долгий ночлег – поспим пару часов, когда станет совсем темно, а потом продолжим двигаться по дороге шагом.

Юлия слушала внимательно, слегка наклонив голову, и поглаживала холку своего Гранита. За разговором они уже въехали в лес. Какая-то птица громко вскрикнула и сделала несколько кругов над головами всадников, а затем стремительно взлетела вверх. Юлия проводила встревоженную пичужку взглядом и посмотрела по сторонам.

Этот лес сильно отличался от сосняков, что окружают Орлос с юга и где принцесса бывала раньше. В тусклом утреннем свете, окутанный густым туманом Восточный лес имел вид мрачный и тревожный. Дорога лежала между толстыми стволами высоченных деревьев, чью крону можно было увидеть, лишь задрвав голову. И если среди первых сосен, растущих у самых скал, ветер уже изорвал густую туманную пелену в редкие молочно-белые клочья, похожие на огромные куски ваты, то в лесу на расстоянии пяти конских шагов дорогу и окрестности от глаз наездников всё ещё скрывала плотная белёсая мгла.

Дочь Эриха Горного передернула плечами и вдруг заметила, что спутники смотрят на неё, ожидая ответа на предложение Питера. Здесь, недалеко от Орлоса, лесная дорога напоминала широкий тракт, по которому не составляло труда проехать бок о бок трем и более всадникам.

– Да, я согласна, так мы и сделаем. Будем ехать верхом, пока хватит сил и дорога позволит.

Дальнейший путь продолжили в молчании: принцессе неудобно было разговаривать со своими слугами на равных, тем более, что с Питером она была едва знакома, а служанка не решалась поболтать с симпатичным парнем из опасения, что это будет неприятно госпоже. Почему же молчал Питер, Ада могла только догадываться, поскольку от природы ловкий и проворный шестнадцатилетний сын главного конюха слыл весельчаком и балагуром.

Так прошло несколько часов. Ада не могла ехать в полной тишине, поэтому время от времени она обращалась к Питеру и Юлии с каким-нибудь восклицанием: «Смотрите, какой огромный муравейник!» или «О, я никогда не видела такого красивого мха!»

Юлию же через пару часов поездки заботило только одно: как сделать, чтобы не было слишком заметно, насколько ей трудно держаться в седле прямо и как она утомлена подобным способом путешествовать? Никогда раньше принцессе не приходилось настолько долго ехать верхом. Всё тело у неё одеревенело, и хотя лошади шли размеренным шагом, девушке казалось, что она не выдержит до вечера.

Утро застало беглеца на берегу лесного озера. Над неподвижной тёмной водой клубился полупрозрачный туман. Какая-то птица с пронзительным криком выпорхнула из-под ног путника, а в остальном всё вокруг было спокойно, молчаливо и казалось безжизненным.

Грегор чувствовал усталость и голод, но близость воды воодушевила его. К тому же, сын прачки был доволен, что добрался куда хотел и в срок. Берег с этой стороны водоёма, как путешественник и ожидал, оказался местом малоприятным – сырым и болотистым. Не обращая внимания на чавкающую под ногами жижу, юноша пошёл к воде. Уже несколько часов Грегору очень хотелось пить, и возможность наконец-то утолить жажду очень радовала. Плюхнувшись прямо на колени, он быстро наклонился к воде, но вдруг негромко выругался: «Зараза, вот опять! Ну, что за гнилая Судьба!»

После этих слов парень огляделся в поисках палки или камня, но, не обнаружив ничего подходящего, просто с силой ударил по воде рукой. Гладкая и ровная поверхность озера пошла волнами, затем круги от удара сменились рябью. Грегор наскоро умылся и, стараясь не смотреть в воду, напился, черпая двумя руками, сложенными ковшиком. После чего встал и отрянул колени от грязи. Наклонившись, ещё раз ополоснул руки. Затем выпрямился и внимательно посмотрел по сторонам. По ощущениям беглеца двигаться вдоль берега следовало направо. Так он и сделал.

Идти было не слишком легко: приходилось перепрыгивать с кочки на кочку и постоянно перелазить через какие-то коряги. Грегор не припоминал, чтобы берег Третьего озера выглядел таким неприглядным, но утешал себя тем, что был здесь давно и в другое время года. К тому же, возможно, скоро он начнёт узнавать эти места.

Наконец, с трудом продравшись через заваленный буреломом ельник, где точно уж не ступала нога человека, Грегор вышел на поляну. За ней виднелся песчаный берег. Но юноша будто остолбенел: зрелище, что открылось его глазам, было совершенно невероятным.

Дом. У озера, посреди опушки покрытой жухлой травой, стоял одинокий бревенчатый дом. Выглядело это неизвестно откуда взявшееся жилище аккуратно и ухоженно, словно находилось не в лесной глуши, а в какой-нибудь благополучной деревеньке.

Грегор потоптался на месте. Он мог поклясться, что возле Третьего озера отродясь не было никаких домов. Не он один бегал туда искупаться и порыбачить, хотя и не распространялся о своих походах – озеро считалось местом плохим, не подходящим для прогулок порядочных людей, а тем более для жизни там.

Ближе к полудню, когда туман почти рассеялся, лошади путников вышли к развилке. Здесь Питер, которому езда верхом не доставляла никакого неудобства, ведь он научился держаться в седле раньше, чем прилично ходить, счёл необходимым высказать своё мнение о дальнейших действиях:

– Госпожа принцесса, дорога, идущая прямо, приведёт нас к Великому Озеру. Но, мне кажется, это слишком утомительный и долгий путь. Разумнее повернуть сейчас направо, чтобы добраться до Горной реки, а потом в какой-нибудь из прибрежных деревень найти и выменять лодку. По воде добраться до владений Клайва Озёрного и быстрее, и легче.

Юлия, не вдаваясь ни в какие объяснения, быстро ответила:

– Поворачиваем направо.

– Госпожа моя, может быть пора сделать привал?

Служанка, как и Питер, прекрасно видела, что хозяйка из последних сил сидит на лошади. Однако юноша не решился ничего сказать по этому поводу. Зато Ада, на правах слабого пола, могла попросить об отдыхе.

Странная тень промелькнула на лице девушки в зелёном охотничьем костюме. Кажется бы, измученная и не выспавшаяся Юлия должна легко согласиться на остановку. Да и есть уже хотелось всем трем путникам. Лошади также нуждались в отдыхе и еде.

– Да-а, пожалуй, нужно сделать привал, – под выжидательными взглядами слуг не слишком решительно согласилась принцесса.

Питер ловко соскочил со своего Угля, как будто не было долгой дороги, начавшейся ещё в предрассветной мгле. Он подал руку дочери Эриха, чтобы помочь, и тут стала понятна причина её заминки по поводу привала.

Юлия беспомощно смотрела на Питера – она не могла даже пошевелить затёкшими ногами и понимала, что, если попытается слезть, то скорее свалится, как мешок, чем гордо и достойно сойдет с коня, как положено Горной принцессе.

Слуга, видя её замешательство, сделал то, что кто-нибудь другой вряд ли бы догадался, да и смог. Сын конюха, который, как говорили «родился в конюшне», знал каждого подопечного своего отца лучше, чем кто-либо в замке Орлос. Юноша похлопал коня принцессы по холке,

взял за сбрую и ласково сказал: «Гранит, опустишь. Принцесса, держитесь прямо.» Серый конь, фыркая и тревожно косясь, поскольку никогда не делал такого с седоком на спине, осторожно склонил голову и опустился на согнутые колени передних ног. Юлия с заметным усилием перекинула правую ногу и соскользнула со спины Гранита. Возможно, она упала бы плашмя, но Питер крепко подхватил её под руку и удержал.

Момент был странный и неловкий для обоих, но они резко повернулись на раздавшийся слева шум. Ада с громким «охом» свалилась на землю со своей смиренной Сони. Вероятно, рыжая хохотушка ушиблась. Но служанка залилась настолько задорным смехом, что вызвала улыбки у смущённых спутников.

– Девушки, вам необходимо походить и размяться. Ада, ты можешь помочь мне с тюками. Я пока привяжу лошадей, поищу хворост и попробую развести огонь.

Беглецы отошли немного в сторону от дороги. Уходить глубже в лес не было никакого смысла: обзор в сосняке прекрасный, спрятаться можно только за стволом какого-нибудь дерева, да и то, только если ты один – без спутников и лошадей.

Через некоторое время путешественники уже сидели вокруг костерка, ели вяленое мясо и фрукты, запивая прохладной водой из серебряных фляг. Лошадям дали овса, который везли в трех из шести тюков.

Отдохнув и подкрепившись, но понимая, что нельзя рассиживать посреди леса не слишком далеко от места, где их скоро начнут искать, молодые люди двинулись дальше: теперь уже по направлению к Горной реке.

Эта речка была самой крупной в Линарии. Начало свое она брала в горах, где стоял Орлос, и постепенно превращаясь из бурной горной речушки в широкую и полноводную реку, несла свои воды из владений Эриха в озеро, находящееся под властью его брата Клайва. Клайв Озёрный постепенно потерял контроль над большей частью суши в этой области страны. Но деревни, расположенные на самом берегу Великого Озера, всё равно подчинялись среднему сыну короля Эриана, ведь добраться до них с Острова по воде было гораздо быстрее, чем из Орлоса на конях.

Домик выглядел приветливо и совершенно не был похож на логово лесных разбойников или других лихих людей. Из трубы шёл дымок, дома явно кто-то был. Грегор сглотнул. Свой кусок хлеба, взятый из дома, он съел прошлой ночью, когда шёл в эти места.

«Что со мной может случиться? Не похоже, что тут живёт много народу – возле домика только две грядки. Идти дальше я всё равно не знаю куда, а такой голодный, пожалуй, никуда и не дойду. Самое плохое, что может произойти – меня выгонят не солоно хлебавши», – размышлял деревенский задира.

«Эх, хуже не будет», – рассудил Грегор и решительным шагом направился в сторону лесной избушки. Постучал в дверь и замер в ожидании. В домике послышалось какое-то движение, дверь со скрипом отворилась, и улыбающаяся чистенькая старушка в белом чепце и таком же переднике приветливо сказала:

– Ну, здравствуй-здравствуй. Заходи, коли пришёл.

– Доброе утро, хозяйка, – выдавил из себя Грегор и шагнул вслед за старушкой в дом.

Старая женщина повела себя с ним, как со своим давнишним знакомым.

– Мой руки и садись за стол, – сказала она, махнув рукой в сторону табуретки со стоявшими на ней тазом и кувшином.

Грегор последовал совету, и не было необходимости повторять ему дважды. В комнате оказалось тепло и так вкусно пахло едой, что у парня свело желудок и потекли слюнки. Беглец подумал: «Даже если последний раз в жизни наемся, всё равно не откажусь!»

А на столе появился просто королевский, для бедного деревенского парнишки, обед: жареная куропатка, запечённая рыба, солёные грибы, варёная картошка и прочие разносолы. Грегор ел за двоих, а хозяйка только убирала пустые тарелки и улыбалась.

После обеда начал накрапывать небольшой дождь. Уже через полчаса он стал сильным, а через час превратился в ливень, ехать в котором было ещё труднее, чем в тумане: деревья по обе стороны дороги исчезли за стеной дождя.

Одежда у наездников не была рассчитана на такую погоду, да и предположить, что в октябре может пойти настолько сильный дождь, они не могли. Девушки и юноша очень быстро вымокли до нитки. Казалось, что на каждого из них вылили по несколько вёдер воды и продолжают это делать.

Если в самом начале дождя имело смысл ехать под деревьями, где капало немного меньше, то теперь это стало бесполезным и даже опасным – при такой видимости легко можно потерять дорогу. Впрочем, очень скоро лесная дорога превратилась в широкий, но пока ещё не слишком глубокий ручей. А ещё через несколько минут лошади с трудом брели по колёно в бурлящем ручье, который быстро становился похожим на небольшую реку.

Разговаривать наездники не могли, а, если пытались кричать, то в рот попадала вода, плотными упругими струями низвергавшаяся из набухшего тучами неба. Девушки отчаянно молили про себя, чтобы дождь прекратился. Они понимали: высушить одежду в ближайшие сутки им не удастся, и хотели только, чтобы эти безумные потоки воды с небес прекратились.

Вдруг конь Юлии встал. Какая-то фигура – тёмная, мокрая и согнутая, похожая на большую кучу мокрого тряпья, возникла на фоне струй дождя прямо перед носом Гранита. Питер соскочил со своего коня и быстро, насколько это было возможно, подошёл к неожиданно возникшему перед принцессой препятствию:

– Кто Вы? – прокричал он, пытаясь рассмотреть лицо под платком или капюшоном.

– Ей, – фигура вытащила из-за пазухи нечто вроде крохотного мешочка и почти ткнула им в морду коня, на котором сидела продрогшая и ужасно испуганная принцесса.

– Это ей, – повторила хриплым каркающим голосом, как показалось Питеру, древняя старуха. Теперь она смотрела прямо на него из-под мокрой ткани, прикрывающей её голову и лицо, и тыкала своим странным даром в его руку.

Молодой человек, будто во сне, взял странный мешочек. В тот же миг прищелица сделала два, необыкновенно резвых для такой старой и мокрой женщины, шага вперед по дороге и исчезла, словно растаяла под дождём.

Питер очнулся и пробежал несколько шагов вслед за ней, но впереди никого не было. Дождь продолжал лить со страшной силой. Слуга, покачиваясь, вернулся и подал мешочек принцессе. Юлия, оцепеневшая от страха и отвращения, очень хотела отшвырнуть неожиданный «подарок» подальше в лес. Но она послушно взяла его, не понимая почему, и засунула во внутренний карман плаща.

Ада, которой из-за стоящего стеной дождя плохо было видно, что произошло, закричала: «Что случилось? Кто это был?» Но ответа от ошарашенных произошедшим Питера и Юлии не получила.

Через несколько секунд дождь внезапно прекратился – будто кто-то огромный перестал лить воду из невидимого кувшина. Наступила тишина. Только крупные капли срывались с сосновой хвои и громко шлёпались в огромные лужи.

После еды, поблагодарив старушку, Грегор всё же захотел выяснить: кто она и за какие заслуги ему выпало такое счастье – вкусно поесть? Юноша представился и сказал откуда родом.

– Меня зовут Верба. Можешь называть тётушка Верба, – приветливо улыбнулась лесная жительница, отчего множество морщинок разбежалось по её доброму лицу.

– Почему Вы здесь живёте? Вы живёте одна? Откуда у Вас столько всего в этих диких местах? – вопросы посыпались из Грегора, как горох из опрокинутой корзинки.

– Подожди, подожди, не всё сразу, – старушку явно забавлял разговор, – Да, я живу одна. Но места здесь не дикие, а очень богатые дичью. Обо мне заботится мой сын. Он охотник

и рыбак, и живёт не так уж далеко отсюда в деревне. А живу я здесь потому, что мне так удобнее, да и люди не будут рады соседству со мной.

– Вы волшебница? – опешил Грегор, хотя эта мысль появилась у него с самого начала.

– Нет. Но у меня есть дар, – живые весёлые глаза женщины смотрели на него испытующе.

– Э—э, Вы Смотрящая? – гость явно почувствовал себя не в своей тарелке.

– Могло бы быть и так. Но мой дар другой. Я знаю будущее, – теперь глаза старой женщины смотрели грустно и серьёзно.

– И моё? – быстро спросил Грегор и сразу понял, что выглядит он сейчас как телёнок, которого в нос клюнула курица, то есть очень глупо.

– Немного. Я знаю не всё и не обо всём. Время от времени я вижу, что случится в будущем. Некоторые картины мне понятны, и я знаю, с кем произойдут эти события. Некоторые – загадочны, и люди в них мне незнакомы. Иногда могу сама догадаться, когда случится то, что случится. Но чаще просто знаю, что это будет, а вот когда – не ведаю. К слову, я давно знала, что ты, Грегор, придешь сюда, но точный день и час мне известны не были.

– Вы скажете мне, что со мной будет? – это был вопрос, который вероятно задал бы на его месте любой человек. Но слова сорвались с языка прежде, чем Грегор успел подумать: а нужно ли ему это знать?

– Ты хочешь этого? – лукавый взгляд небольших глаз будто подзадоривал собеседника. Похоже, к старушке снова вернулось обычное настроение, свойственное её живому характеру.

– Не-не знаю, – Грегор искренне пытался задать себе этот же вопрос. Ну, что хорошего, скажите на милость, узнать, что ты скоро умрёшь в нищете и неизвестности? Но любопытство, как несмышленный малыш, стояло рядом и дергало его за рукав.

– Не в моих правилах рассказывать людям, что их ждёт. От Судьбы не уйдешь. Такие попытки могут стать мукой для того человека, кто захочет избежать собственной участи. Но я дам тебе несколько советов, а уж ты сам решишь, что с ними делать, – улыбнулась хозяйка, – Ведь пришёл же ты сюда, значит, и наша встреча тоже важна.

Потом тётушка Верба предложила Грегору остановиться в лесном домике на несколько дней, так как её сын должен был приехать помочь по хозяйству только через неделю.

– Ты можешь пожить пока в его комнате. Да и одежда у тебя не очень хорошо выглядит, – Верба снова улыбнулась всеми морщинками, – Пожалуй, тебе подойдёт кое-что из вещей Стэна. Например, ботинки. Иди-ка туда – переоденься, я сейчас дам тебе смену. А твои вещи можно постирать и заштопать.

– Я бы хотел Вам чем-нибудь помочь, – Грегору было неудобно, что его собираются кормить и одевать.

– Конечно, Грегор. У меня для тебя найдётся много дел.

Юноша прошёл в глубину светлой большой комнаты и увидел дверь, ведущую в другое помещение. За ней оказалась крохотная каморка без окон, больше похожая на чулан, но такая же уютная и чистая, как и всё остальное в домике старушки. Главное, здесь было на чём спать. Гость рассудил, что такого уголка вполне достаточно – Стэн, вероятно, навещает свою мать не так уж часто и, видимо, не остаётся в лесной избушке надолго.

Грегор тоже не собирался проводить в комнатке много времени. Верба принесла хорошие кожаные башмаки, штаны, рубашку и куртку из какой-то шкуры. Деревенский парнишка с удовольствием снял с себя поношенные вещи и искренне обрадовался, когда обнаружил, что обувь отлично ему подходит.

Помогая по хозяйству, заготавливая дрова, занимаясь просмолкой лодки и починкой сетей, Грегор провёл в приветливом домике три дня. Он заранее жалел о том, что во время дальнейшего его пути вряд ли где-то ещё о нём будут так заботиться, как это делала добрая старая женщина.

Юноша пока не знал куда направится дальше, и очень надеялся, что Верба подробнее расскажет о его будущем. Но Грегор не приставал к ней с разговорами и вопросами, понимая: старушка не расскажет больше, чем посчитает нужным. За улыбчивостью и ветхой внешностью лесной отшельницы чувствовался весьма сильный характер. Недаром провидица столько лет прожила вдали от людей и поселений, рассчитывая, в основном, только на себя.

Грегору не было здесь одиноко, он не страдал от отсутствия какого-либо ещё человеческого общества, кроме приветливой хозяйки домика. Но что-то в душе подсказывало ему, что пора отправляться в путь. К тому же, беглецу снились странные и тревожные сны.

Глава 5 Потери

С каждой секундой мокрая одежда становилась всё холоднее, и путников стала бить крупная дрожь. Питер слез с коня и, молча, помог спуститься на землю своим спутникам. Он быстро снял камзол и рубашку, отжал, а затем вылил воду из сапог.

– Госпожа моя, нужно срочно переодеться или хотя бы отжать одежду. Если мы пробудем в таком положении ещё полчаса, то тяжелая болезнь обеспечена каждому из нас, – Питер с тревогой посмотрел на трясущихся от холода Аду и Юлию.

– У нас нет сухой одежды, – стуча зубами, ответила Ада, – В смысле есть, но только платья, в них будет очень неудобно.

– Это безразлично сейчас, пусть платья, лишь бы сухие.

– Хорошо, но где же нам переодеться?

– Мы поставим лошадей вон к тем соснам и переоденемся за ними, – подала голос Юлия, на которой лица не было благодаря последним событиям, но голос её звучал спокойно.

– Да, хорошая мысль, – согласился Питер, – Но я отожду вашу одежду, может быть её удастся позже высушить у костра. Ваши плащи нужно срочно снять – они больше похожи сейчас на мешки с водой.

Пока девушки отжимали волосы, надевали сухие чепцы, передевались и переобувались, спрятавшись за лошадьми, Питер делал быстрые и резкие движения, чтобы согреться. Затем он отжал их намокшие береты, камзолы и штаны, а также, насколько это было возможно, и подбитые мехом плащи, напоминавшие сейчас большие грязные тряпки. Все эти предметы гардероба юноша приспособил на спины лошадей, внезапно ставших свободными от всадников.

Девушки сообщили, что хоть платья и гораздо суше, чем намокшая под дождем одежда, но теплее им не стало. Да и ехать верхом в мужском седле теперь будет неудобно. Тут Питер высказал предложение, которое Аду ужасно рассмешило, а Юлию возмутило.

– Нужно двигаться, иначе замёрзнем. Предлагаю бегать. По очереди. Я пока поведу лошадей, а вы побегайте друг за другом, потом поменяемся.

Юлия открыла рот, чтобы сказать, что ей не пристало подобное поведение, но вовремя одумалась. Замёрзнуть посреди осеннего леса, когда нет никакой надежды развести костёр, ведь вокруг – ни единой сухой ветки, было бы крайне глупо и обидно.

Ада приняла идею игры в салки с восторгом. Подобрав юбки, она начала носиться среди сосен, призывая молодую хозяйку присоединиться. Юлия тяжело вздохнула, представив, как выглядят перебежки с задранными юбками по мокрому и мрачному лесу, где каждый звук разносится на многие мили вокруг.

Но делать было нечего. И она, вообразив, что им с Адой снова по пять лет, и они бегают друг за дружкой по сводчатым коридорам Орлоса, с криком: «Сейчас я тебя поймаю», погналась за служанкой. Глядя на девушек, Питер не мог сдержать улыбку. Сын конюха старался идти сейчас быстрым шагом, потому что его одежда осталась той же самой, а, значит, холодной и мокрой.

Начинало смеркаться и нужно было подумать о ночлеге. Питер высматривал какое-нибудь укрытие или же более сухое, чем окружающие деревья и земля, место. Пока ничего подобного ему на глаза не попало.

– Теперь твоя очередь, – заливаясь смехом, прокричала запыхавшаяся и покрасневшая Ада, – Мы, похоже, уже согрелись, – радостно добавила она.

Юлия подошла следом, пытаясь сохранить чинный вид, но детская игра её раззадорила, и в голубых глазах принцессы светился смех. Казалось, девушки забыли о положении беглянок и о том, что их окружает.

Питер знал, что это ненадолго, но тоже улыбнулся в ответ. Он передал вожжи Аде и с весёлым гиканьем помчался по дороге – только пятки засверкали. Бегал он гораздо быстрее, чем обитательницы дворцовых покоев. Когда юноша прибежал обратно, девушки снова выглядели замёрзшими. Питер решил, что пора обсудить вопрос ночлега. Для начала он спросил:

– Ада, ты положила в тюки тёплые одеяла?

– Да, но только нетолстые, четыре штуки.

– Хорошо. Костёр я развести попробую, хотя не уверен, что удастся. Ночью будет гораздо холоднее, чем днём. Ваше Высочество, не считите за оскорбление, но суровая необходимость диктует правила поведения: придётся сделать общую постель, чтобы наши тела могли согреть друг друга.

Ада после его слов заметно покраснела, а Юлия побледнела ещё сильнее.

Питер продолжал:

– Вам, госпожа Юлия, лучше будет лечь между нами, тогда Вы не замёрзнете.

– Ну, нет, – принцесса не сердилась, но не могла ничего поделать со своими чувствами, – Я лягу с краю. Пусть между нами спит Ада.

– Но, госпожа моя Юлия, – пролепетала рыжая девушка, – Питер прав, Вы замёрзнете с краю.

– Не замёрзну, – отрезала старшая и отвернулась, дав понять, что разговор окончен, и спорить бесполезно.

Ада взглянула на Питера, пожалала плечами и красноречиво закатила глаза.

– Тогда решено. Давайте пройдем ещё немного, пока не стало совсем темно. Смотрите по сторонам, может быть, увидите подходящее для ночлега место.

Парень задумчиво огляделся, размышляя: а не сделать ли привал прямо здесь? Но им повезло. Минут через пять Ада увидела в стороне поваленную толстую сосну. Оставив девушек на дороге, Питер отправился осмотреть находку. Подойдя ближе, он обнаружил, что с другой стороны от лежавшего на земле ствола довольно сухо и даже есть углубление, в котором можно сделать постель. Удачным оказалось и то, что с дороги их не будет видно. Правда, лошадей придётся привязать неподалёку, но такое место ночлега создавало ощущение некоторой безопасности.

И вот, наконец, лошади были покормлены, скромный ужин из сухих фруктов и мяса съеден и запит водой из фляг, а из тюков, сосновых веток и сухих одеял сооружена постель. Вокруг стремительно темнело. Глядя на казавшуюся такой уютной «кровать», путники ощутили, как их вымотал долгий день, начавшийся в три часа ночи.

Ада буквально не могла больше стоять на ногах и попросила: «Госпожа моя, ложитесь скорее.» Юлия с достоинством легла с краю, рыжая служанка бухнулась рядом с ней, а Питер, тщательно укрыв усталых и озябших спутниц двумя одеялами, лег с другой стороны от Ады. Он положил рядом с собой ещё довольно сырые плащи девушек, разумно предположив, что в ночном холоде могут сгодиться в качестве одеял и они. «Спокойной ночи», – тихонько сказал Питер девушкам, но они уже спали.

Прожив три дня в лесном домике, Грегор сообщил Вербе, что собирается завтра покинуть это гостеприимное место. Он стал благодарить хозяйку за всё, но она его остановила:

– Ты ведь ждёшь от меня совета, не так ли?

– Если можно.

– Без еды и без напутствия ты отсюда точно не уйдёшь, – лукавая улыбка тётушки Вербы частенько смущала Грегора – парню казалось, что старушка над ним немного подтрунивает, – Тогда слушай. Во-первых, никому и никогда не говори о своём даре, пока не случится одно важное событие.

– Но у меня нет дара, – торопливо перебил собеседник.

– Конечно, конечно, вот так всем и говори, – невозможно было понять: шутит старая женщина или говорит всерьѣз, – Но ты даже не поинтересовался, что это за событие.

Тут Грегор открыл рот, чтобы спросить, но Верба погрозила пальцем и сказала:

– Ещѣ раз перебьѣшь меня – больше ничего не услышишь. Так вот. Нет никакого смысла задавать этот вопрос ни мне, ни самому себе. Если у тебя такой вопрос возникнет, значит, это наверняка не то событие, о котором я тебе сказала. Когда случится – сразу поймѣшь. А после будет уже неважно: знают люди о твоѣм даре или нет. Во-вторых, скажи-ка мне, Грегор-путешественник, куда ты собрался идти?

– Ну, я думал пойти на тот берег Третьего озера, – начал юноша неуверенно.

– Третьего? Да до него идти не меньше суток, – искренне удивилась старушка.

– А это разве не оно? – догадка поразила Грегора. За всё время, проведенное в лесной избушке на берегу озера, ему ни разу не пришло в голову спросить Вербу: где же он сейчас находится? Грегор Безотцовщина из деревни Стул с самого первого дня был совершенно уверен, что ноги привели его туда, куда он и хотел – только почему-то он попал на другую сторону водоѣма, к которому направлялся.

Питер проснулся будто от толчка. Вокруг стояла белесоватая от тумана мгла. Возможно, приближался предрассветный час, поскольку было очень холодно. Рядом мирно сопела Ада. Обхватив юношу руками, она улыбалась и походила на маленького ребѣнка. Принцесса спала спиной к ней, прижавшись и спрятав под одеяла руки и часть лица.

Питер сонно осмотрелся и вздрогнул от осознания: коней нигде не было – ни там, где он привязал их вчера вечером, ни вокруг. Слабая надежда, что животные каким-то образом сами отвязались и ушли недалеко, была столь же призрачна, как и лес вокруг. Питер прекрасно знал, что лошади весьма неглупы. Торбы с овсом остались под спящими наездниками – у чистокровных коней, привыкших к хорошему уходу и людям, не было никакого интереса убегать от хозяев и еды.

Сын конюха приподнялся на локте, собираясь встать и поискать лошадей, но донѣсшиеся до его слуха звуки заставили юношу быстро лечь обратно и вжаться в расстеленные одеяла. Хорошо, что ствол сосны, возле которой они спали, надёжно скрывал лежащих на земле путников от глаз всех, кто мог проезжать по дороге.

Питер услышал размеренный топот копыт. Пятеро всадников, лошади подкованы и идут скорее шагом, чем рысью. Затем стали слышны голоса наездников.

– Конечно, они поехали этой дорогой к реке, – первый голос принадлежал начальнику замковой стражи Эриха Горного.

– Да, похоже на то. Но ведь у них нет опыта езды верхом на такие расстояния, так что вряд ли они скакали быстро, – второй голос Питер не узнал.

– В любом случае, мы их увидим. Лошади – не дамские собачки, а в таком лесу спрятаться негде, – ответил первый голос, и всадники стали отдаляться от места, где расположились на ночлег беглецы.

Девушки тоже проснулись, но молчали и не шевелились, повинувшись знаку, поданному Питером. В таком положении они пробыли минут двадцать. После чего Ада не выдержала и спросила:

– Они далеко?

– Не особенно, – ответил юноша, – Боюсь, что путь к реке для нас отрезан. И лошадей у нас теперь нет.

– Ты их отпустил? – предположила Юлия.

– Нет. И я не знаю где они. Но то, что их не было с нами сейчас – это большое везение. Стражники как раз по лошадям нас и собираются найти.

– Что будем делать? – своим вопросом принцесса дала понять, что с настоящего момента главным в их небольшой группе будет Питер.

– Нужно собираться и уходить. Возьмём только самое необходимое. Всё, что осталось, нам не унести.

Девушки встали и, дрожа от холода, разобрали постель. Решили, что каждый возьмёт по одному тюку, в котором будет еда, немного одежды, одеяло и фляга с водой. Овёс больше был не нужен. Плащи девушек, конечно, не высохли за ночь и были ещё влажными. Питер предложил накинуть на плечи по сухому одеялу, а сверху надеть плащи. Бросить их было бы расточительством, учитывая, как холодно по ночам. Отжатые вчера почти досуха береты Юлия и Ада натянули прямо на чепцы. Питер даже одеяло не стал набрасывать – ему от последних событий стало жарковато.

Двинулись в противоположную от дороги сторону прямо по лесу, надеясь, что удастся держать правильное направление на юго-запад. Питер утверждал, что так они попадут на другую дорогу, ведущую от замка к Великому Озеру. Но где и когда путники на неё выйдут – он не знал.

Идти в платьях, одеялах и плащах девушкам было тяжело, но зато тепло и, к тому же, всё равно пришлось бы их нести. Однако, через пару часов сначала плащи, а потом и одеяла с мешками стали ношей Питера. Шли молча, чтобы не тратить силы на разговоры и не задумываться о том, что их ждёт, если они окончательно заблудятся.

Еще через некоторое время сделали привал. Ноги у путешественников гудели, головы тоже, поскольку никто из них не выспался. Присев на тюки, юноша и девушки пожевали казавшиеся безвкусными кусочки вяленого мяса и немного сухих фруктов, запили водой и через несколько минут отправились дальше.

Всем троим очень хотелось поскорее найти дорогу, и идти в более понятном направлении, чем сейчас. Путники были измучены, но никто не стонал и не жаловался: Юлия из гордости, Ада боясь показаться Питеру глупой и слабой, а Питер не собирался выглядеть более замученным и растерянным, чем дворцовые девочки.

К удивлению и радости упавших было духом беглецов, где-то после обеда – точнее определить время в такой пасмурный день никто из них не мог, путешественники увидели дорогу. Сейчас это была узкая, заросшая травой и полукустарником тропа, но было видно, что раньше ею часто пользовались.

У Ады мгновенно поднялось настроение:

– Питер, какой ты молодец! Ты нас вывел!

– Да, Питер, спасибо, без тебя мы бы не нашли дорогу, – согласилась принцесса.

Питер смущённо улыбался, поскольку отлично понимал: никакой его заслуги в том, что они вышли к дороге, нет. Но и показать хоть на минуту, что единственный мужчина, на которого сейчас могут положиться девушки, расстроен или боится подобно заблудившейся овце, было нельзя ни в коем случае. Юноша чувствовал свою ответственность за спутниц. Поэтому повертевшись на месте, посмотрев на небо, зачем-то проверив направление ветра, Питер уверенно показал рукой, как он посчитал в направлении запада, и сказал:

– Нам туда!

Все трое приободрились: наверняка уже очень скоро за деревьями блеснут воды Великого Озера – цели их похода через лес. Ада развеселилась и предложила спеть песенку. Эта девушка была неунывающим существом. Юлия и Питер петь не захотели, тогда служанка одна стала напевать себе под нос какой-то бодрый мотивчик.

– Нет, милый мой. Это Четвёртое озеро. И оно гораздо севернее, чем Третье, – Верба снова развеселилась, – А ты и не догадался? Вот что бывает, когда сильно веришь в собственный план и не очень интересуешься, что на самом деле происходит.

– Вообще-то, я хотел добраться до Третьего озера, перебраться на другой берег, спуститься по реке к Великому Озеру и найти способ переправиться на Остров, – уткнув глаза в пол пробормотал Грегор.

– А зачем тебе на Остров? – живо поинтересовалась Верба.

– Сам не знаю, но почему-то мне кажется, что надо туда. Говорят, Клайв Справедливый правит мудро. Я надеялся там найти работу и жильё.

– Это было бы разумным ответом, если бы не твоё мнение о Клайве. Должна тебе сказать, люди сильно преувеличивают его справедливость. Впрочем, сейчас это не имеет значения.

– Так Вы, тётушка Верба, считаете, что я правильно собрался на Остров? – Грегор с надеждой взглянул на собеседницу.

– Что я считаю – тоже невеликая важность. Главное то, что ты сам хочешь сделать. Но, похоже, выбор у тебя небольшой. Если пойдёшь на север, то быстрее доберёшься до речки, – теперь старушка смотрела на него серьёзно и спокойно.

– Хорошо, тогда я уйду завтра рано утром, если Вы не против.

– Конечно, не против. Мы с тобой как раз сегодня успеем собрать всё, что нужно в дорогу. Утром я тебя накормлю и провожу. Ты, Грегор, был очень хорошим гостем и помощником.

Вдруг Юлия остановилась и растерянно посмотрела на спутников.

– У меня развязались шнурки на сапоге, – сказала она со странным выражением лица.

Ада мгновенно поняла: её хозяйка отныне не уверена, что может отдавать им приказы, ведь трудная дорога сблизила беглецов. Но принцесса колебалась: насколько прилично и достойно будет, если особа королевских кровей сама попытается завязать шнурки в присутствии двоих слуг?

Ада хотела помочь, чтобы неловкая ситуация поскорей разрешилась, тем более, что служанка не считала это трудным или унижительным. Но Питер успел раньше:

– Госпожа моя, я помогу, если позволите – он опустил на одно колено и склонился над сапожком принцессы. Юлия смущённо приподняла юбку, чтобы слуге было удобнее. Юноша быстро и ловко зашнуровал обувь и довольно резко встал со словами: «Вот и хорошо.»

В этот момент раздался свистящий звук, Питер вздрогнул, побледнел и через мгновение упал на колени, а потом лицом в землю. Из спины у него торчала стрела. Крик застрял в горле у Юлии, а Ада подбежала и со сдавленным рыданием бросилась на землю рядом с юношей. После этого девушки замерли на пару секунд и стали озираться. Но никаких признаков людей не было видно ни поблизости, ни вдалеке. Лес хранил молчание: не слышно ни топота копыт, ни шума убегающего человека или хотя бы шагов.

Это было так ужасно и непонятно, что Юлия и Ада находились в оцепенении несколько минут. Наконец осознав, что, возможно, им ничто не угрожает, либо уклониться от неведомой опасности всё равно не удастся, дрожащие и испуганные, но ещё больше поражённые внезапной потерей, они склонились над телом Питера.

Ада трясла юношу за плечо, но это было так же бесполезно, как трясти ветку дерева – Питер не отвечал, не шевелился и не стонал. Тогда, преодолевая себя, Ада с усилием выдернула из его спины злополучную стрелу и перевернула их мёртвого спутника на спину.

Широко раскрытые карие глаза юноши смотрели в бледное осеннее небо. Ада зарыдала. Теперь не было необходимости сдерживать свои чувства: она плакала и плакала, оглаживая руками тёмные вьющиеся волосы Питера и целуя его в холодные губы.

Юлия совершенно подавленная и растерянная стояла над ней. Принцесса еле сдерживала слёзы. Сейчас она чувствовала себя настолько маленькой, одинокой и слабой в этом страшном пустынном лесу, что готова была упасть на землю рядом с Адой и Питером и завывать. Но почему-то продолжала стоять прямо и молча, стиснув руки, бледная и отчаянная, похожая одновременно на статую и привидение.

Через какое-то время Юлия, с трудом разжав губы, произнесла: «Ада, мы должны убрать тело с дороги.» Как в дурном сне, они с трудом оттащили Питера в сторону и накрыли одеялом. Потом, положив рядом все вещи, которые раньше нёс их спутник, сели, привалившись спинами к сосне и прижавшись друг к другу. Ада то плакала, то, как будто, засыпала и впа-

дала в забытьё. Принцесса гладила свою служанку то по плечам, то по голове. Не думали они, выходя из Орлоса, что путь к Великому Озеру будет таким страшным.

До этого момента Юлия считала, что существует только одна опасность: стража догонит их и её отправят сначала к отцу, а затем в чужую страну к чужим людям. Теперь она уже не понимала, чего больше бояться: того, что их вернут, или неведомых опасностей, что возникают на их пути словно из ниоткуда?

Принцесса горевала о Питере, потому что ей нравился этот юноша, такой уверенный и спокойный, что от одного его присутствия все страхи рассеивались и отступали. А теперь они остались совершенно одни. В лесу, осенью, без коней, без спутника, уже почти без еды и с водой, которой чуть больше половины фляги.

Стемнело. Юлия протянула руку и вытащила из кучи брошенных рядом вещей два одеяла. Она укрыла, насколько смогла, себя и Аду и натянула на голову капюшон. Принцесса утешала себя тем, что их двое, поэтому замёрзнуть ночью друг другу они не дадут.

Но девушка беспокоилась о своей рыжей спутнице: сможет ли она завтра идти, будет ли способна хоть что-то делать и, вообще, захочет ли двигаться? Напряжённые нервы долго не давали Юлии хотя бы задремать, но под утро она всё-таки провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Грегору было грустно расставаться с тётушкой Вербой. И хотя он стремился к новым приключениям и мечтал о неведомом пока будущем, в лесном домике ему жилось спокойно и уютно. К тому же, здесь юноша чувствовал себя нужным.

Если бы не мысль, что такого доброго и заботливого человека, как эта старушка, он может больше и не встретить, то утреннее прощание было бы не таким печальным. Верба нежно поцеловала паренька в подставленный лоб. Сделала какой-то странный жест рукой и пожелала Грегору удачи в его путешествии: «Да хранит тебя Судьба!»

Однако молодой человек покидал гостеприимный кров с тяжёлым сердцем. Так бывает, когда точно знаешь, что больше никогда не встретишься с тем, с кем сейчас расстанешься.

Но небо было ясным, неяркое ноябрьское солнце светило на удивление ласково. Через пару миль быстрой ходьбы Грегор приободрился и даже стал насвистывать. Настроение путешественника улучшалось по мере того, как он удалялся от берега Четвёртого озера.

Грегор с удовольствием вдохнул свежий прохладный воздух и подумал: «Снег ещё не выпал. Обувь на мне крепкая и тёплая. В походной сумке запас еды на неделю. А что ещё нужно человеку, идущему навстречу своей судьбе?»

Утро не принесло ни тепла, ни облегчения. Труп Питера так и лежал в стороне, накрытый одеялом. Юлию страшно угнетала мысль, что они не смогут похоронить юношу и придется оставить его лежать посреди леса. Ада чужим голосом предложила сжечь тело.

Принцесса возразила, что, во-первых, разжечь огонь сейчас у них может и не получиться, а, если и получится, то тело всё равно не сгорит до пепла, а скорее обгорит и будет сильно дымить, что им совершенно не нужно.

– Или ты хочешь, чтобы нас нашли? – спросила она.

Ада замотала головой. Обе понимали, что каждый час побега увеличивает меру наказания, которое неизбежно последует, если их обнаружат.

Реальность не изменилась, не исчезла с рассветом, как дурной сон. Поэтому девушки поднялись на ноги, размяли затёкшие мышцы, выпили воды и, с трудом разжевав, проглотили по сушёному абрикосу. Понимая, что слезами они ничего не изменят, собрали два тюка, в которые сложили лишь самое необходимое.

– Куда же мы пойдём? – Ада выглядела потерянной и несчастной.

– В любом случае, не по дороге, – ответила Юлия, которой теперь пришлось стать тем, кто принимает решения, – Пойдём пока в стороне, но не теряя дорогу из виду. Направление постараемся держать то же самое.

Девушки встали на колени рядом с телом их спутника и, откинув край одеяла, по очереди поцеловали его: Ада прямо в губы, а Юлия в щеку.

– Прощай, Питер, – сказала принцесса, – Ты был хорошим спутником и другом.

Ада только сдавленно всхлипывала, плакать она уже не могла. Мрачные, и без надежды выйти из леса живыми, госпожа и её рыжая служанка двинулись в путь.

Глава 6 Помощь

Полная женщина накрывала на стол в просторной комнате на втором этаже своего дома. На первом расположилась пекарня её мужа и небольшой склад, с которого выпечка уходила в обмен на другие продукты и необходимые в хозяйстве вещи. С тех пор, как у пекаря появился подмастерье, Варвара могла меньше помогать мужу в пекарне и больше времени заниматься другими делами.

Вдруг женщина почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. В комнате никого не было, да и не должно было быть. Поэтому жена пекаря быстро подошла к небольшому зеркалу, висевшему на стене.

Её широкое лицо расплылось в улыбке, но через пару минут светлые глаза в белесых ресницах округлились, и она торопливо проговорила: «Да, да, Лилиан, непременно.» Поскольку Варвара считала, что её никто не услышал, она одновременно энергично закивала головой, подтверждая, что всё поняла и готова выполнить полученную просьбу.

Женщина поклонилась зеркалу, торопливо прошла к лестнице, ведущей на первый этаж, и громко крикнула вниз:

– Стефан, Стефан, быстро иди сюда, пострелёнок!

Через минуту по ступенькам застучали чьи-то ноги. Стефан в белом переднике и колпаке вбежал в комнату. Этот десятилетний мальчуган считался одним из самых толковых учеников в деревне. Сейчас нос у него был в муке, а руки подмастерье вытирал о передник.

– Варвара, я пришёл! Что нужно?

– Скажи мне, Стефан, ты сегодня сильно занят в пекарне?

– Не особенно. Хотя нужно спросить у твоего мужа, – мальчишка сверкнул глазами.

– Я сама скажу Тедору. Ты мне нужен и срочно, – Варвара не обратила внимания на дерзкий взгляд и тон, за который в другое время ученик пекаря мог получить от неё хороший подзатыльник, – Пойдешь к колодцу за водой и с поручением.

– Угу, – радостно буркнул мальчик.

Вырваться на улицу от жаркой печи было для Стефана настоящей удачей, хотя выпекать хлеб он любил и ему нравилось работать под руководством жилистого и высокого Тедора. Пекарь внешне больше походил на кузнеца, отличался спокойным нравом и никогда не бил своих учеников.

– Бери большое ведро и иди к колодцу. Но не к тому, что в центре деревни, а к самому восточному колодцу, что на том краю, где лес начинается. Иди туда быстро, но потом не торопись – ты должен дождаться у колодца тех, кто из лесу придёт.

– Кого? – Стефан подпрыгивал на месте от нетерпения. Таких интересных поручений, да ещё в разгар рабочего дня он никогда не получал.

– Двух девушек. Ты сразу поймёшь, что это они. Девушки измучены и плохо выглядят. Ты должен уговорить их пойти с тобой. Причём быстро и не по Главной улице. Приведёшь их сюда. Я буду ждать.

– Варвара, а если они со мной не пойдут?

– Значит так. Светловолосую зовут Юлия, принцесса Юлия. Скажешь ей, что друзья знают о её трудностях и просят почтить своим присутствием их дом. Возьми с собой пару булочек – отдашь девушкам и предложишь им напиться воды из колодца. Думаю, что от этого они не откажутся. Смотри же, постарайся привести их сюда незаметно! Нам не нужны сплетни и разговоры в деревне. Стефан, ты понял меня? – обычно добродушное лицо жены Тедора выглядело тревожным и серьёзным.

– Понял, Варвара, конечно, понял. Дождаться девушек, привести сюда незаметно, – мальчика распирало от желания помчаться к колодцу со всех ног. Ведь такие приключения случались с ним не каждый день.

– Смотри же, не беги сломя голову. Не хватало только, чтобы люди подумали, что у нас пожар, – Варвара строго посмотрела на испачканный мукой и вспотевший от возбуждения мальчишечий нос, – Ну, иди.

Когда топот убегающего затих внизу лестницы, женщина тоже спустилась на первый этаж и отправилась в пекарню объяснять мужу – куда делся его помощник-подмастерье.

В это время Стефан, размахивая ведром, бодрым шагом направлялся к восточному колодцу. Пройдя немного по Главной улице Прибрежной деревни, он не выдержал. Ученик пекаря юркнул в боковую улочку, чтобы короткой дорогой домчаться до окраины, где был расположен самый глубокий колодец в окрестных деревнях.

Стефан не знал, что торопится совершенно напрасно, ведь ждать девушек ему придётся не один час.

Грегор шёл весь день. Идти было легко – неширокая, но хорошо протоптанная дорожка немного петляла между деревьев, но бежала исключительно на север. Это путник мог без труда определить, ведь солнце катилось по чистому небосклону и не было даже редких облаков.

Постепенно растительность становилась другой, отличной от мест, где стояла его родная деревня. Ёлки всё ещё оставались высокими, но подлесок изменился. Грегор с интересом смотрел по сторонам. Он решил, что, жёлтые скелетики полукустарничков – это какие-то неизвестные ему ягоды. «Наверно здесь здорово летом», – размышлял быстроногий пешеход. Шёл сын прачки действительно очень споро.

Час проходил за часом, вот уже и смеркается. «Начало ноября, темнеет рано. А спать совсем не хочется. Да и какой смысл? Только замёрзну и время потеряю. Лучше идти, пока идётся», – за этими мыслями черноволосого юношу и застало неожиданное событие.

Грегор увидел впереди кого-то другого. Человек шёл неторопливо шагах в двадцати от него. И это был какой-то маленький человек. Грегор остановился. Желание догнать и посмотреть, кто это, боролось в нём с желанием никого не встречать. За время своего похода беглец ещё ни разу не сталкивался с людьми прямо на дороге.

Да и раньше, во время лесных вылазок из родного дома, такое случалось редко. Деревенские жители не любили ни лес, ни, тем более, озёра. Они предпочитали ходить по знакомым улицам, а не по неизведанным чащобам. Тем более очень уж странно выглядел впередиидущий. Похож на ребёнка. Откуда в этих местах ребёнок?

Напряжённо раздумывая, Грегор сделал ещё пару шагов и наступил на сухую ветку. Хруст прозвучал в лесной тишине так звонко, что хуже мог быть только крик. «Кривая Судьба!» – сохранять молчание теперь не имело смысла. Фигурка впереди остановилась, развернулась и направилась к неосторожному сердитому путнику.

– Привет! – вихрастый белобрысый пацанёнок лет семи кивнул как старый приятель и оглядел Грегора с ног до головы.

– Привет, – Грегор решил не терять самообладания под нахальным взглядом светло-голубых глаз.

– Ты кто? И чего шляешься по лесу?

Кажется, этот вопрос должен был задать старший из них. Ну, уж теперь – кто первый успел.

– Грегор. Не твоё сопливое дело. Сам небось от родителей удрал?

Всё-таки предположительно восемь лет разницы в возрасте давали право на покровительственный тон. Но Грегор догадывался, что не на того напал.

– Ага. А ты небось от жены сбежал? – смеющийся рот с парой отсутствующих передних зубов «выплюнул» дерзкие слова, а следом и настоящий плевок себе под ноги.

– Здорово плюёшься.

– Да, удобно, когда нужные зубы выпадают. Так ты мне не ответил.

– С незнакомыми детьми личные дела не обсуждаю, – Грегор важничал, а сам уже давился от смеха, глядя на это белобрысое чудо в драных коротких штанах и летней рубаше, – Попу ещё не заморозил?

– Я Берг. Бертрам. В общем Бер, так короче. Не, не заморозил.

– Значит, живёшь недалеко?

– Ещё как далеко. Здесь вообще никого нет на много миль кругом. Но мне нужно на Остров.

– Мне тоже, – Грегор всё ещё недоумевал и дивился на эту встречу посреди леса и такой непринуждённый разговор.

– Ну, так пошли вместе, – мальчишка не шутил, теперь его лицо выражало скорее симпатию и надежду.

– Пошли, если не будешь глупости говорить.

– Не буду. А у тебя еда есть? – паренёк сглотнул и жадно взглянул на сумку Грегора.

– Есть. А ты мне расскажешь откуда ты взялся в лесу?

– Да. Давай тогда привал сделаем? Вот там впереди хорошая ель, как шалаш. Я в таких сплю иногда.

Юлия всматривалась в просветы между деревьями. Впереди что-то брезжило. Вода? Пить хотелось очень сильно. Последние капли из фляги они с Адой выпили уже дня три назад. Спаслись тем, что по утрам облизывали покрывающиеся изморозью сухие листья и ветки. Еда закончилась немного позже, чем вода. Оставшиеся кусочки сухофруктов девушки старались растянуть на подольше, иногда держа малюсенький кусочек кураги за щекой по несколько часов.

После странной смерти Питера, о которой они старались не говорить, время тянулось медленно. Длинные холодные ночи, сумрачные короткие дни. Бесконечное блуждание по лесу днём, и попытки согреться и не думать о еде ночью. Беглянки из Орлоса порой плохо понимали какой сегодня день и какое время суток.

Пару дней назад сосняк закончился. Это единственное, что давало понимание – они идут не по кругу.

Лес стал смешанным. Облетевшие чёрные ветки деревьев не добавляли пейзажу радости, а идти стало труднее: под ногами вместо сухой подстилки из хвои – опавшая листва и сучки. Впрочем, принцесса и служанка настолько устали, измучались и почти потеряли надежду когда-нибудь выйти из леса, что брели наугад. Они не подбадривали друг друга и не разговаривали. Поскольку в первые же сутки после гибели Питера его спутницы ушли далеко от найденной дороги, то не представляли, где они теперь находятся.

Главной задачей девушек стало заставлять себя двигаться, переставлять ноги и хоть куда-то идти. Потому что по утрам им очень не хотелось шевелиться и вставать. Но они понимали, что, поддавшись желанию сидеть на месте, окончательно потеряют силы и ослабеют.

И вот теперь что-то изменилось. Впереди между деревьев явно проглядывала какая-то светлая полоса. Вода? Туман? Какое-то открытое пространство? Поддерживая друг друга, Юлия и Ада стояли и всматривались. Каждая хорошо представляла, что творится в голове попутчицы.

В меркнушем от усталости и жажды сознании пульсировали вопросы: «Что там? Люди? Кто? Идти туда? Опасно? Поймают? Убьют? Там есть еда? Вода?!» В конце концов Юлия выдавила: «Ада, мы идём туда.» И они медленно побрели навстречу неизвестности.

Стефан утомился сидеть без дела. Он уже сто раз пожалел, что согласился на просьбу Варвары.

Мальчик развлекал себя всеми возможными способами: бегал вокруг колодца, изучал окрестные кустарники и травы в поисках чего-нибудь интересного, кидал в колодец камушки, набирал и выливал воду, колотил палкой по кустам... Хорошо, что вокруг не было жилья и никто не слышал, как Стефан распевал песни, свистел, гикал на ворон. Но, с другой стороны, мальчику было скучно и одиноко.

Непоседливый характер и жажда деятельности маленького подмастерья пришлись ко двору в пекарне, где требовалось выполнять уйму поручений. А вот сидеть на месте – для сорванца было сущим наказанием. Через три часа Стефан изнывал от желания убраться от надоевшего колодца. Но ученик пекаря знал, что с Варварой шутки плохи. И он вряд ли отделается надранными ушами, если убежит, не выполнив её задание.

Полдень давно прошёл, и Стефан ужасно хотел есть. Две свежие булочки аппетитно пахли из-за пазухи. Ещё немного и мальчик совершил бы ужасное преступление: откусил бы от хлеба, предназначенного не ему. Но тут он увидел за кустарником бледное женское лицо.

Стефан не отличался дипломатичностью и сдержанностью. Он был весёлым пареньком, а тут ещё и возможность вернуться наконец-то в пекарню. Он, как стрела, подлетел к девушке, выглядывающей из-за кустов и выпалил: «Госпожа моя, принцесса Юлия, приветствую Вас в Прибрежной деревне. Вот булочки, а там в ведре вода – можно попить. Друзья ждут Вас и хотят помочь. Пойдѣмте со мной. Меня зовут Стефан.»

До сих пор ни на одно живое существо слова мальчугана не оказывали такого сильного действия. Во-первых, оказалось, что на него смотрит не одна, а две пары девичьих глаз. Абсолютно круглых от изумления. Во-вторых, из глаз одной из девушек, той, что пониже и с рыжими спутавшимися волосами, градом полились слѣзы.

Но Стефан не собирался стоять и смотреть на ревущих пришелиц ещё полчаса. Он и так провёл у дальнего колодца слишком много времени (как ему казалось, лучшие годы своей жизни). И твёрдо был намерен как можно скорее вернуться к вкусной еде и занимательной работе. Поэтому он схватил оторопевших девушек за руки и потащил к колодцу. Только сейчас мальчик заметил, какие они худые, слабые и испуганные.

Стефан решительно сунул им в руки по булке: «Ешьте!» С трудом дождался, когда они откусят по кусочку и медленно начнут жевать. «Пейте!» – скомандовал он, указывая на ведро с ключевой водой. Не дожидаясь, когда хлеб будет съеден, Стефан поторавливал: «Быстрее, пошли!» И опять, схватив девушек за свободные руки, буквально поволок их за собой.

Мальчугана нисколько не смутило, что ни Юлия, ни её спутница не сказали ни слова с момента встречи. Главное, что он их дождался и должен был как можно быстрее доставить к Варваре. И парнишку ничуть не удивлял вид грязных и изорванных платьев, растрѣпанных волос и явно давно не мытых лиц его спутниц. Большое дело – сколько раз сам приходил из лесу грязный и оборванный. Правда, это было до того, как Стефан попал в пекарню.

Новые спутники не торопясь пошагали в сторону старой ёлки. Больше всего Грегора поразило, что Берг или Бер, как он себя называл, шѣл босиком. Ноябрь, это не июль, чтобы так разгуливать.

Всѣ ещё неторопливо и важно они наломали лапника, соорудили себе места для ночлега и развели костѣр. Точнее, костѣр развел Грегор, ведь добрая тѣтушка Верба дала ему не только еду, но и огниво. Берг, как ни старался скрыть насколько он рад огню, но не сумел. В конце концов, он перестал пытаться и счастливо рассмеялся. Тепло и еда для него были большим счастьем.

Постепенно наевшись и согревшись, ребята разговорились. Берг рассказал, что он сирота. В подробности вдаваться не стал, сказав: «Родители погибли год назад.» Сам он из деревни Ветка с Первого озера. В этом месте Грегор присвистнул:

– Далековато отсюда!

– Да, – согласился мальчик, – Так я и не вчера сюда пришѣл.

Выяснилось, что бродяжничают парнишка уже много месяцев. А не поймали его до сих пор именно потому, что Берт не боится убежать в лес, и вообще старается как можно меньше бывать в тех местах, где живут люди.

– Летом в лесу здорово: ягоды, грибы. Всегда можно найти «подножный корм». Ну, приходилось, конечно, приворовывать. Но в основном на окраинах, чтобы быстро убежать, если что.

– Да, не каждый селянин за тобой погонится в чащобу.

– Ага. А я ещё и бегаю очень быстро.

Осоловевший от тепла и еды мальчонка с трудом раздирал слипающиеся глаза. Грегор усмехнулся и, вытащив из сумки небольшое одеяло, протянул его Бертраму: «Спи давай.» Парнишка мгновенно укрылся, свернулся калачиком и засопел.

Сам же Грегор погрузился в раздумья: «Конечно, вдвоём гораздо веселее. Но ведь и думать теперь придётся за двоих, и еду делить. Да и мелкий совсем разут-раздет, как бы не заболел. Тогда идти станет совсем трудно.»

Впрочем, юноша понимал, что его новый знакомый – «тёртый калач». И знает об окружающем мире и нравах жителей Линарии гораздо больше, чем он сам. Ведь все свои пятнадцать лет Грегор провёл, считай, в одной деревне.

«Надо расспросить этого Берта обо всём, что только можно. Да и неглупый он парнишка. И не злой», – с такими мыслями юноша стал постепенно задрёмывать. Он не собирался сторожить костёр, потому что и сам хотел выспаться. А от постепенно затухающего пламени и углей жар будет идти ещё несколько часов.

Стефан был сообразительным мальчишкой и провёл девушек по деревне практически незамеченными. И в дом пекаря завёл их с чёрного хода. Но Варвара уже стояла наготове. Конечно, за это время она уже много раз клялась выдрать подмастерья, как следует. Но увидев, что мальчик входит не один, несканзанно обрадовалась и засуетилась.

Кланяясь и радостно щебеча вежливости, жена пекаря провела девушек в одну из комнат с кроватями: «Дорогие гости, вы устали и проголодались. Если хотите, можно сразу помыться, я нагрела воды. Если хотите, можете сначала отдохнуть и поспать.»

За то время, пока они добирались до пекарского дома, к Юлии вернулась часть её обычного самообладания. Ада просто глупо улыбалась и не могла сказать ни слова. Но наследница Эриха Горного знала, как положено вести себя принцессе. Она уже не относилась с прежней надменностью к простолюдинам, но и чувство собственного достоинства терять не собиралась.

– Добрый день. Спасибо, дорогая хозяйка, да хранит Вас Судьба. Мы бы хотели отдохнуть несколько минут, а потом, если позволите, помыться. К сожалению, у нас нет чистой одежды.

– Конечно, конечно. Ваше Высочество, для Вас и Вашей спутницы у нас найдутся приличные вещи. Не побрезгуйте, они не достойны внучки короля Эриана, но чистые и аккуратные.

– Благодарим Вас. Можно ли нам на пять минут остаться одним?

– Конечно, конечно. Вот колокольчик. Позвоните, когда будете готовы.

И Варвара поспешно удалилась.

Юлия села на стул, поскольку в своих грязных лохмотьях усаживаться на белоснежные простыни она не хотела, и сжала виски руками. Ада тоже начала отходить от потрясения и бурной радости последнего часа. Служанка оглядела комнату.

– Здесь мило.

– Ада, откуда они знают кто мы? Почему позвали в дом? Возможно, нас приведут немного в порядок и выдадут людям моего отца. И, вообще, где мы? И кто эти люди?

– Госпожа моя Юлия, мы с Вами только что избежали ужасной участи умереть в лесу от голода и холода. Кажется, сейчас мы получим горячую воду, мыло и чистую одежду. А потом, вероятно, нас хорошо покормят. Скорее всего, никто не собирается нас выдавать, потому что

это можно было сделать сразу, а не вести нас сюда задворками. И, я думаю, что на многие наши вопросы мы получим ответы в ближайшие часы.

Принцесса изумлённо воззрилась на рыжеволосую служанку. Конечно, она знала, что Ада сообразительна и разумна. Хотя на минувшей неделе (кажется, столько времени прошло?) у девушки не было ни сил, ни возможности продемонстрировать это. И вообще, такой длинной речи Юлия не слышала от Ады со времен их пребывания в Орлосе.

– Конечно, милая Ада, ты как всегда права. Ада, давай, когда никто не слышит, будем на «ты».

Теперь настал черёд служанки поражаться речам своей госпожи. Девушки посмотрели друг на друга, рассмеялись и обнялись.

Не успели Юлия и Ада как следует перевести дух, как в дверь постучали. Бочком, будто и не в своём доме, в комнатку вошла Варвара. Улыбка на её полноватом лице была самая искренняя, но видно было, что женщина несколько смущена.

– Принцесса, вот чистая одежда. И прошу пожаловать в нашу комнату для мытья: ванны и ушаты наполнены горячей водой, мыло и отвары для волос стоят в кувшинах, и полотенца я тоже там положила.

– Спасибо, хозяйка, – Юлия выжидающе смотрела на Варвару, поскольку видела, что та мнётся и хочет сказать что-то ещё.

– Да, госпожа моя, не прогневайтесь, выслушайте мою просьбу.

– Я слушаю.

– Мой муж Тедор – добрый человек, но он не знает ничего о Вас и о тех, кто хочет Вам помочь. Я всё расскажу вам попозже, наедине. А пока прошу не говорить за столом при муже, кто Вы такая.

– Что же нам сказать? – принцесса слегка приподняла правую бровь.

– Думаю, если мы скажем, что Вы благородная дама из Орлоса, которая вместе со служанкой потерялась во время охоты и блуждала по лесу, пока не вышла к нашему селению, то это вполне подойдёт. Только тогда мы не будем обращаться к Вам «Ваше Высочество».

– Да, лишние разговоры нам ни к чему, – согласилась дочь Эриха Горного.

«А эта женщина весьма умна, хоть и выглядит простушкой», – пронеслось в голове у светловолосой наследницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.